

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927
№
1

ЗА СБОРКОЙ ДИНАМО

„СМЕНА“

РЕОРГАНИЗОВАН И УДЕШЕВЛЕН

В „СМЕНЕ“ имеются следующие отделы:

Литературный, дающий художественно-бытовые и приключенческие рассказы, повести, романы, очерки, фельетоны лучших современных русских и иностранных писателей. Здесь печатаются лучшие из комсомольских поэтов.

Бытовой отдел является центральным отделом журнала. Он выдает все характерное и наиболее важное и интересное в жизни молодежи. Он ставит своей задачей вести неустанную борьбу против гримас быта: хулиганства, бездушия, пьянства.

Журнал будет проводить ряд актов и дискуссий по вопросам быта молодежи.

Научно-популярный, дающий ряд очерков о естественных и общественных науках СССР, о достижениях советской техники, освещающий важнейшие технические достижения в областях Америки и Европы.

Спорт и Физкультура, в этом отделе печатаются статьи, сообщения, хроника спортивной жизни в СССР и за границей. Значительно улучшится отдел **«ЧТО ЧИТАТЬ»**, дающий молодежи рабочему возможность разбираться в современной литературе и проводить свое чтение по верному руслу.

С 1-го января 1927 года вытисляется отдел **ШАХМАТ И ШАШЕК**.

В каждом № журнала не менее 20 стр. большого формата и до 60 иллюстраций.

„СМЕНА“ по своей внешности и технике, своим художественным обложкам и богатым иллюстрированием — лучший из существующих массовых журналов.

В первый № журнала в 1927 году начнется печатание большой приключенческой повести. Автор и название будут объявлены в журнале.

ПОДПИСКА ЦЕНА: 1 мес. — 35 к., 3 мес. — 1 р., 6 мес. — 1 р. 90 к., 9 мес. — 2 р. 80 к., 12 мес. — 3 р. 60 к. Отдельный номер — 20 к. **ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ КОМСОМОЛЬСКОЙ ПЯВДЫ:** 1 мес. — 30 к., 3 мес. — 80 к., 6 мес. — 1 р. 70 к., 12 мес. — 3 р. 20 к.

М. Эмер (Вятка).— Стихотворение заподозло. Следовало использовать его в местной газете. Написано грамотно и в отдельных образах—интересно. Напечатать уже не сможем.

Б. Стародумову (П. Иностр. еврейская).— Сюрприз напечатать не сможем. Для «Смены» не вполне подходит по теме; правдоподобность его слишком обнаружена.

П. Зингер (Владимир).— Стихи очень слабы, темы незначительны. Для печати не годны.

И. Рудеви (С. Белгород).— Беспорядочный напечатать нельзя, отрывок написан очень бедно, даже что-либо читателю он не в состоянии. Стихи крайне слабы.

М. Дедла (Иркутск) (П. Мурмино).— Стихотворение не плохо в технике, но самую тему вы упустили между строк; вторая ее половина напоминает придаточное предложение к неаннотированному основному предложению. Поудачнее об этом.

М. Тихонову (Ростов-Сев.).— Ваши стихи—стихи о стихах; настроения их крайне обидно. По манере в них извращенно смешан со слогарем старая идеалистическая лирика. Напечатать не сможем.

М. Ершовой (Ст. Андриян).— Стихи ваши слабы в целом, указывать недостатки нет смысла, так как вам необходимо позаняться самообразованием, больше читать художественные произведения.

И. Синявину (Москва).— В своих стихах вы в слабой форме повторяете уже пройденный этап пролетарской поэзии, когда в ней было порядочно риторического пафоса. Это беднее роста. Работайте и добейтесь большей простоты, откажитесь от хвальных перечислений доблестей комсомольцев или поэтов, пишите внимательно, вдумчиве, сосредоточеннее.

Ф. Дюмову (Сталингр.).— Ваш рассказ не может заинтересовать читателя. Он растянут и написан бедно, внешне много отдается места собраниям, выбором, обычным разговорам о делах. Сама любовь рассказана нами скучно, читателю приходится медленно тапиться от страшилки к странице и не встретить ничего волнующего или даже занимательного. Нужно писать свежее, выразительнее, опираясь только на самое необходимое и т. д. А для этого вам придется еще поучиться.

А. Бессонову (Тимирязевск.).— Присланный ваш набросок напечатать не можем.

В. Брукнову (Сыктывкар).— Ваши стихи имеют много технических недостатков, но написаны они свежо, выгодно отличаются от стихов других начинающих. Работать советствуем. «Трубочник» постарается напечатать. «Сельдер» — пересла в «Крестьянскую Газету». Присылайте другие.

А. Сергееву (Омск).— Присланное—по теме незначительно. По изложению же это протокол с мало удачными пояснениями. Не пойдет.

Г. Грекову (Н. Чиркская).— Для «Смены» присланное не подходит.

Н. Артинской (Иркутск).— Ваши стихи в лучшем случае можно использовать в стенгазете. Их не

достатки: отсутствие какого-либо цельного худож. плана, голая мысль, заключенная в подобранные формы. И в и в (Угаранка).— В рассказе Зинаида любовь ряд больших недостатков. Неожиданно и ошечиво, ложное представление о художественности толкает вас к тому, что вы передо заставляете художественно читать стихи, повороты цитатами и рассуждать по поводу прочитанного; если они говорят, то говорят прихороженным стилем и др. Все это литературщина. Художественность не в этих внешних моментах, а в реальной простоте изображения и в той свободе, которую автор предоставляет своим героям. Иначе получается натянутость, как на фотографии. Карточке. Стихи синоптичны, оправни перед серой волной, ластяли и искусственной позе.

Кроме того, и само содержание оставляет желать большей четкости и остроты, а так, как есть,—немного и неясно. Выши приписка о неясности мысли автора, нежелательности все не оправдывает. Напечатать не сможем.

И. Загорскому (Кривой Рог).— Присланные вами стихи и рассказы крайне слабы. Можно предположить, что вы начитались Жуковского и стали бедно подражать ему. Вам нужно усилить самообразовательную работу. Напечатать ничего не сможем.

Б. К-ву (Москва).— Некоторые достоинства в стихотворении есть. Напечатать не сможем.

М. Зеленскому (Сталингр.).— Стихотворение напечатать в «Смене» не сможем. Ваши рассуждения не имеют никакой вышестояющей мысли, не учтите вам надо.

С. Отверстному (Севастополь).— Стихи ваши слабы. Интересного желания. Этим деле недостатка и умения. У вас есть талант, но вы не умеете его использовать. Это почти общий недостаток начинающих, одолевается он работой над собой. Напечатать не можем.

ПРИСЛАННОЕ СЛОВО НАПЕЧАТАТЬ НЕ МОЖЕМ.

Медюмову (Москва), Ш. Жернову (Астрахань), В. Семенову (Томск), И. Наркевичу (Красноярск), В. Тарасову (Москва), Н. Азериннову (Ст. Запрудное), В. Стигареву (Тверь), Аморю, Красного ухаря (Ростов) (Ростов на Дону), Л. Дунаеву (г. Кра-Хитм), М. Левинскому (Москва), К. Чердынченко (Новозыбков), П. Кочетову (ст. Н. Чиркская), В. Самойлу (Казань), Ф. Волгулевичу (ст. Озерки).

Не подходит: Г. Победискому (Москва). Отмечено письмами:

Н. Середи (Кит.-Вост. жел. дор.), И. Металлову (Ростов на Дону), А. Ватурину (ст. Тертерев), Чердынченко (Армивир), П. Колошикову (Симферополь), Звонареву (Баку), Алякринскому (Грозный), С. Чарухину (Татарск), Б. Панкову (Владимир).

СОДЕРЖАНИЕ:

А. БЕЗЫМЕННОЙ—Из цикла миниатюр «Люди». А. ЖАРОВ—Стихи об бессоннице. ИОСИФ УТКИН—Спичка. П. РОМАНОВ—Ее условия. А. УЭЛС—Пер. с англ. П. ОХРИМЕНКО—В долине. Г. НИКИФОРОВ—Сыщик Зилдон (Из повести «Тридцать три оклада»). П. ПОПАТИН—Днепропрот—сметская Нягара. И. БУХОВ—Экспедиция на вершину шара. Б. Л.—Новинки художественной литературы. В. ГРОМОВ—Десять минут утренней гимнастики. КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗВАН. НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ.

Иллюстрации художников: П. ВОЛУЦКОГО и П. СТАРОНОВОСА. Фотографии: Ф. ЗУБОВА, С. КРАСИНСКОГО и др.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Отв. редактор Т. Костров.

Разгадки ребусов, помещенных в № 23 и в 24 «Смены»:
1. Учебка и зимний спорт—верные друзья.
2. Не забудь в день получения статьи подписчиком «Смены».
Верные ответы прислала следующие т.т.: Маторин (Сталинград), П. Габон (Тамбов), Н. Каряева (Семипалатинск), Г. Набойко (ст. Зиев), П. Морилец (Кремену).

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасская
переулок, д. № 3/4. Тел. 1-89-13

Рукописи принимаются, написанные на ма-
шинке или четко от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗЪЕМО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД.

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 60 коп.
— 6 мес. — 12 «.....	1 « 90 «
— 3 « — 6 «.....	1 « —
— 1 « — 2 «.....	35 «
Отдельный №	50 «

Подписку принимает Отдел Периодических
Изданий Из-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 6/8

НАШИ ПОЭТЫ

СТИХИ ОТ БЕССОННИЦЫ

Когда в полях снега звучат, как скрипки,
Улыбкою сверкнув случайному лучу,
Я вспоминаю все свои ошибки
И сам себя извольнованно кричу:

— Какой я остолоп!
Так просто в этом мире.
Так ясно все, а я не мог понять,
Что дважды два всегда дают четыре
И пятью пять, конечно, двадцать пять.

Если б было можно
Жизнь начать сначала,
Чтобы знать заране
Как ступить ногой,—
Жизнь была б несложной
И как снег сверкала б.
Жизнь была бы легкой,
Ясной и простой.

Тогда бы знал, тогда бы слышал тонко,
Стушевая шум своих шагов,
Где—ждет тебя беспечный смех ребенка,
Где—караулит клевета врагов.

Дать уплатив законным переменам,
Тогда легко бы встретить был готов
Смешную лезть и жалкую измену,
И дружбу новую, и новую любовь!

Пленил жизнь порой своей игрою,
Но в той игре немало чепухи.
А без нее нам стало б легче строить
Дома и песни, счастье и стихи!

Кружится мыслью беспокойный вихорь.
Затяхнет чуть и закружит опять.
Они кричат: есть вещи, о которых
Заране не так приятно знать.

А если б было можно
Жизнь начать сначала,
Чтобы знать заране,
Где и что, и как,
Жизнь была б несложной,
Безмятежно вялой,
Скудной и дешевой,
Как простой пятак.

Кружится мысль: есть вещи в этом мире,
О них не так приятно вспомнишь ты,
Хотя, конечно: дважды два четыре,
И пятью пять опять же двадцать пять.

Но посмотри: снега струят улыбки,
Сверкая счастьем: до весны дожить.
Я вспоминаю все свои ошибки,
Но для того, чтоб снова повторить.

А. Жаров

ИЗ ЦИКЛА МИНИАТЮР «ЛЮДИ»

Шли по торцам за оркестром гремящим
Шумной лавиной толп и знамен.
Рядом со мною,
В людской чаще,
Дангался и он.

Смолк вдруг оркестр. Мир тише и глуше...
Вместо дороги—распутье пошло.
Рытвины, ямы,
Колдобины и лужи...
Тяжело.

Грустный сосед, распевавший так ярю
Про неизбежный пожар мировой,
Тихо добрался
До тротуара.

Мы шли попрежнему
По мостовой.

Снова оркестры, сердца поднимаю,
Грянули маршем бунтующих сил...

...Встретился с ним
Через день в трамвае.
Он побледнел
И глаза опустил.

А. Безыменский

Поэтическая тетрадь

С И Н И Ц А

Мне всегда зимою снится,
Этот сон у берегу,—
Серебристая синица
Звонко плечет на снегу.

А подвыпивший прохожий
Метит камнем в певчий цвет.
Правда,
Как это похоже
На твою судьбу, поэт...

В мае нежность постучится,
Грея крыши, плавая снег,
И влюбился под синицу
Тот же самый человек.

В день, когда борьба воскреснет,
Он согреет гнев и пыл
Боевой походной песней,
Той, что я ему сложил...

Ты, поэт, борьбой измучен.
Брось,
Борьба во всем права.
Гнев и нежность нас научат
Уважать твои слова.

И. Уткин

БЕЕ УСЛОВИЯ

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ, рис. П. ВОЛУЦКОГО

Прошальная вечеринка удалась. Молодежь почувствовала полную свободу после вынужденных мероприятий, веселилась, пела и танцевала в просторной комнате Лены Глаз. И танцы в голову не приходило, чем все это кончится.

В середине вечера кто-то позвонил. Лена пошла открывать, и, вернувшись, сделала неприятную кистью мину, какую делают при появлении неприятно и испрошенного гостя.

Это был Виктор Зорин, ее одноклассник, с которым у нее однажды что-то произошло, и с тех пор Виктор ходил за ней с безнадоедливым видом неудачника, а она не могла его видеть без раздражения.

Его неловкость, застенчивость, неумение быть веселым и забавным, его серьезность и мрачность, когда всем весело, выводили Лену из себя. Она знала, что он умный, серьезный и самый порядочный из всех. Но это не изменяло ее отношения. Она не могла себя пересилить.

Войдя, он, исклово поздоровавшись с присутствующими и не сумев ничего ответить на шутку Сени Грохольского, сел в угол, откинувший рукой длинные волосы назад.

Лена Глаз ни разу не подошла к нему. Она делала вид, что ей очень весело. Рассказывала от омавления, с молодыми пышными золотых волос, она больше всех смеялась, танцевала; потом, бросившись на диван, откидывала голову и обмахивалась платком.

Виктор ни на что не был ей нужен, она выходила из себя от его молчаливого назойливого обожания и преследования. Но когда она чувствовала его здесь около себя, ей почему-то больше, чем до его прихода, хотелось быть интересной, красивой и оживленной.

Сени Грохольский в своей тулупке и черной рубашке, шутя ухаживал за ней, подавал ей яблоки, становился на одно колено. А потом сел рядом с ней, обнял ее.

Здесь же была его жена, Лина, худышка с острыми бровями, которая больше всех смеялась, и когда устремляла взорно и делала «мала куча», она всегда оказывалась наперку, болтая ногами, кричала, что гашелинни победил.

В продолжение вечера Лена чувствовала на себе следящий взгляд Виктора, но делала вид, что не замечает его. Она как будто нарочно притворялась очень заинтересованной Грохольским. А потом подхватила его под руку, так что тот едва не упал, споткнувшись о чьи-то ноги, и убежала с ним в коридор.

Оттуда послышался ее залихватский смех, тот смех, когда женщина хочет, чтобы кто-то другой услышал, как ей весело и как она любит людей веселых, остроумных, не портящих другим жизнь серьезностью, любовью и ревностью.

Потом смех на некоторое время затих. Все изредка взгляды на Виктора. Он сидел, поблбедневший, с затравленным видом, набегая встречать глазами с другими, накручивая на палец бахрому скатерти и разбирал ее по ниточкам.

— Лина!—крикнул кто-то,—смотри за мужем.

— У нас вопрос уже согласован,—ответила Лина, махнув рукой.

— Правильно, женщина, ты без ошибок усвоила дух времени.

Но всеми чувствовалась какая-то напряженность, потому что отсутствие Лены вместе с Грохольским становилось слишком продолжительным.

Вдруг Виктор молча встал и вышел в коридор.

II

В комнате стало тихо. Все переглянулись и смотрели несколько тревожно на дверь в коридор.

Через минуту Лена вышла оттуда, а за ней—Грохольский.

— О, боже, какое освобождение!—сказала Лена. И прибавила:—Мне это надоело.

— Ты сама в этом виновата, в другой раз не целуйся с мужичками,—сказала Лина.

— Ну, милая моя, я не думала никогда, что наскому на такого субъекта, который из-за одной случайности подумает поучаствовать свои права на меня и будет преследовать на каждом шагу.

— А почему он тебе не нравится? Он серьезный, умный и честный мальчик,—сказала Лина,—я была бы довольна, если бы мой Сенчик хоть половинку был таким.

Сени Грохольский удивленно поднял брови и молча посмотрел на всех, потом каплянул и залпом выпил рюмку водки.

— Мои условия ему не подойдут,—сказала Лена Глаз.

— А какие твои условия?

— Для меня вообще тип человек, который хоть однажды проявил по отношению ко мне нетерпимость и покушался на мою свободу,

И, действительно, на некоторых лицах мы нула улыбка.

— А ты же!—серьезная—спросила у Грохольский, комически-испуганным тоном, что все, как бы пользуясь предлогом своей улыбки, покотился со смеху.

— В мои условия это не входит,—ответила Лена.—Когда мне было три года, мне нравилось, чтобы меня мама любила, а теперь я столько выросла, и этой потребности? безумно.

— И что же, тебе несколько не хватает, что он ушел?—спросила некрашая девушка.

— Он мне надоел своими вечными притворствами, я ни с кем слова не могу сказать, мне не приходится ему этим страдания. Это, конечно, несомненно. Я ничьей власти над собой и хочу чувствовать!

За настоящую любовь можно выжить и чужой власти,—сказала некрашая девушка и опять покраснела, так как почувствовала, что каждый может подумать про нее: «Да, при с удовольствием подчиниться кому угодно, потому что на тебя смотреть никто не хочет».

— Ну, к чорту философия!—крикнула Лена, махнув рукой.

Но, несмотря на ее бодрое восклицание, будто что-то повралось в общем настроении после ухода Виктора. Некоторым показалось, что-то нехорошее в его глазах, когда он шагнул и ушел.

Да и Лена больше делала вид, что ей весело. Скорее она хотела скрыть свою досаду и не сказать, что на нее это никак не подействовало.

III

Было уже два часа ночи. Все стали расходиться. Долго прощались, толкались в шпалере, смеялись, приглушенным смехом на ушах Грохольского, чтобы не разбудить других жильцов. Потом все выслали на улицу.

Лена, надев вязаную кофточку, вышла пропустить и пройтись, кстати, перед сном.

Она шла с Грохольским рядом. Они шли молча и звонко среди пустой улицы смеясь с кем-то впереди.

На перекрестке все остановились и пощипались. Лена, оставив с минуту стояла с Грохольским, потом пожав ему руку и махнув платком всем остальным, пошла к дому.

Ей оставалось пройти несколько шагов, как из переулка настрелу ей вышел Виктор.

Лена Глаз сначала испуганно вздрогнула и остановилась было, потом пошла прямо к нему. Ее возмутили это, как ей казалось, и злой вид преследования. Человек в присутствии других не может заигрывать собой для этого у него нет данных, так он как и переулках надвигается.

— В чем дело?—спросила она холодно и отчужденно.

— Мне нужно с тобой переговорить.

— О чем?

— Ты знаешь, о чем.

— Нет, я не знаю.

— Ну хорошо, я тебе объясню. Пожалуйста.

Лена нехотя пошла, пожав при этом плечом.

— Ты знаешь, что я тебя люблю,—сказал Виктор.

Лена Глаз сделала движение головой, но бы говорила этим: «О, боже мой, уж эти извращения».

— Ты знаешь,—продолжал Виктор, видя слезы Грохольской в руке и помолвато закрывая пальцами волосы назад,—и знаешь также, что я человек серьезный, и не умею устроить фигля-мглы, как Грохольский, у которого есть только способности филлера и ничего больше.

— Что же, и эти способности не плохо?—зло сказала Лена.

— Так что ты их предпочтитаешь?

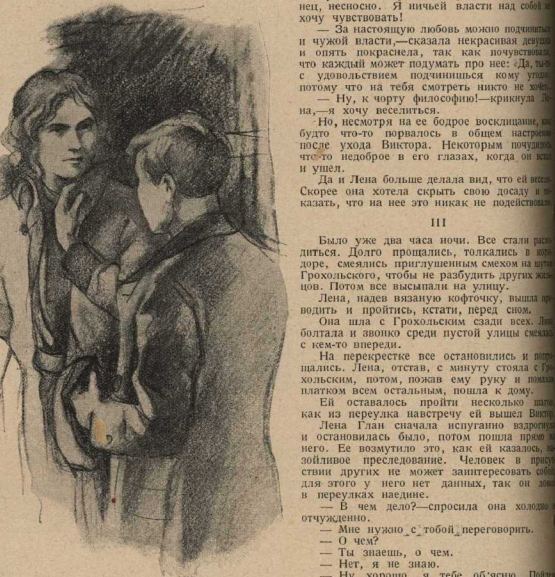
— Я не обязана отдавать кому-либо свое в том, что я предпочитаю, и ты не имеешь никакого права спрашивать с меня отчета.

— Нет, имею...

— Ах, вот как! Что же тебе надо на это право?

— Мой серьезная, глубокая любовь к тебе.

— В мои условия это не входит... Все серьезное и глубокое оказывается слишком детским.

В чем дело?—спросила она холодно и отчужденно

уже не существует для меня,—сказала Лена.—Мои условия такие: чтобы я не чувствовала каждую минуту, что кто-то на меня имеет право и что я не могу жить и чувствовать так, как хочу, а все время должна оглядываться на кого-то другого. Вот твой Сени в этом отношении идеальный мальчик.

Сени при этих словах горько приставил к своей груди указательный палец, потом поднял его вверх и еще выпил рюмку водки.

— Он сегодня действует почему-то больше мимикой,—сказала Лина, посмотрев на мужа.—А я разве не идеальна?—прибавила она.

— О, ты—прелесть!

— То-то, вы там любезничали, а ты видишь, как я сижу...

И она, разведя руками, показала на свое скромное, опреленное на коленях платье.

Лена прыгнула к ней на диван и обняла ее за шею.

— А что же, значит, для женщины не нужна серьезная любовь?—спросила некрашая девушка в стареньком шерстяном платье, сидевшая до этого времени молча. Сказав это, она покраснела, как краснеет всякая некрашая девушка, говоря о любви, точно окаящая, что ей при этом скажут: «Ну, ты-то куда суешься рассуждать об этом!»

— Значит, женское чувство таково, что оно не ищет серьезности, а только того, что приятно видеть и занимательно, идет ли оно может говорить занимательные, смешные штучки?

— Нельзя судить только по тому, что видишь ты. Человек при других может флиртовать, а наедине...

— Ты не хочешь отвечать?—спросил тихо Виктор, поглядывая при этом.

— Ничего,—ответила она, резко оборвав.

— Я не знал, что ты с ним была наедине. Для меня это новость.

— Лена хотела сказать, что она не была с Гроховским наедине, а только сегодня, когда они уехали в коридор, он сначала двуручился, а потом они разговорились там, и он оказался просто приятный, хороший малый.

— От раздражения и дурного чувства против Виктора ей не хотелось этого сказать. Ей всегда хотелось, чтобы он думал, что у них в коридоре что-то было с Гроховским.

— Так, значит, вы бы случайно скривились в коридор?—сказала, зло усмехнувшись, Виктор.

— Да, не случайно!—также зло ответила Лена Глаз.

— Ты даже не могла подождать, чтобы дождаться от меня?

— Не могла, потому что ты всюду следуешь за мной по пятам. И я не понимаю, что тебе нужно от меня?

— Мне нужно договориться...

— Опять сначала!—сказала Лена Глаз, останавливаясь и сделав движение, выражающее бессмысленную скуку.—О чем еще договариваться? Ведь я тебе сказала коротко и ясно, что ты мне не нужен, что я тебя не люблю, что ты... под твои условия не походящая.

— Почему?—глухо спросил Виктор, глядя в землю.

— Лена почувствовала крайнее раздражение и злобу против этого человека, который требует объяснений того, чего объяснить нельзя, и она, чувствуя, как в глазах у нее темнеет, стала говорить самые оскорбительные вещи.

— Потому, что ты не даешь мне свободы, а все ходишь за мной, я не могу при тебе позволить себе ни одного свободного движения. Потому что ты... мне противен, как мужчина, вынул?—сказала она наконец.

Виктор остановился. Его лицо медленно побелело. Они стояли на набережной, он—лицом к реке, она—спиной.

— Значит—конечно?—спросил он тихо.

— А для тебя еще все непонятно это?

— Он смотрел на девушку молча и видел в ее глазах острую ненависть к себе. И у него вдруг что-то повернулось в том месте, где было сердце, и бросилось волной в голову. Ему хотелось разбить кулаком это злое лицо, которое не его лицо. И вдруг он толкнул девушку в грудь, сказавши при этом:

— Так пойдешь к черту!

Лена, стоявшая на самом краю набережной, выгнулась назад, потом хотела отбегать от него, но Виктор вдруг почувствовал, как новая чужая ударила в голову и в сердце, затуманила ему оную страшную и острую мыслью.

— Нет, подожди,—крикнул он и, заступив ей дорогу, опять с силой толкнул с набережной.

Лена ухватила за его рукав, будучи уже на краю берега.

— Я тебе противен?—спрашивал он, держа ее за кофточку на груди.

— Противен... отвратителен!—говорила Лена, задыхаясь от ненависти. Видно было, что ей хотелось от злобы сказать что-нибудь самое злое, самое злое.

Она, с растрепанными волосами от раздражения злобы, была похожа на пьяную проститутку и все-таки была недоступна и оттого пала противна и ненавистна.

Он вдруг, сам не сознавая, что делает, толкнул ее в грудь. Она, держась за его рукав, выскочила над обрывом; и ее глаза мелкокнули смертельный ужас, а Виктор, опьянен от ненависти, стал бороться с ее руками и отрывать их от себя.

Еще одно мгновение—и он остался на берегу один в этот глухой предвечерний час. А еще через мгновение предвечерний час уже вода выину.

Он, с расширенными от ужаса глазами, некоторое время смотрел перед собой, потом, взглянув туда, схватился руками за голову и бросился от берега.

IV

Виктор с первым поездом уехал в свой городишко. Это была мучительная дорога. Он встал выйти на вагона, вздрагивал всякий раз,

когда в вагон входил кондуктор или проходил по вагону человек в военной форме с револьвером в кобуре. Он сидел лицом к окну, как будто разглядывая виды, но на самом деле для того, чтобы его лица не видно было и чтобы его не схватили.

На одну минуту ему пришла мысль: а что из того, если и схватят? Все равно теперь его жизнь кончена: он сам, своими руками утонул в любимого человека. Чего ему еще бояться? На что ему нужна теперь жизнь?

И все-таки он боялся...

Три недели, проведенные дома, были сплоченным мучением. Сестра и мать все осторожно спрашивали, что с ним. Ему приходилось уверять и делать вид, что ничего особенного. Но он часто ловил на себе их внимательные-тревожные взгляды, которые они на него бросали уткойрой. И эти взгляды наводили смертельную тоску.

И когда мать, старенькая старушка в черном платье, придя из церкви, молча, с подавленным вздохом целовала его, сидевшего у своего рабочего стола в маленькой комнатке, Виктор, сделавши сейчас же вид, что он занимается, несколько думал о том, что мать не подозревает, что она незаметно убивает.

Каждое утро он дрожащими руками развешивал газеты и водил торпильными воровским взглядом по столбцам. Он боялся увериться, что это сонерилось действительно.

Открыл один раз газету, он почувствовал, как его волосы зашевелились...

Он прочел сообщение, что в Москва-рже найдены разложившийся труп женщины с разбитым черепом. Разложили в и в и с труп...

Это то, что было о и а. Всего месяца назад. Это то, что он так нестерпимо любил и что он так же нестерпимо любил и сейчас, хотя ее уже и е т. Она—разложившийся труп. Так что же он любит? Почему у него темнеет в глазах, когда он представляет себе картину того, что было у нее в коридоре с Гроховским, которого она из ненависти к и е м у, бить могла, обнимала тут же за дверью?

Он часами сидел и смотрел в одну точку, точно стараясь понять что-то непонятное, непривычное, к чему он никак не мог привыкнуть. Это то, что она теперь—разложившийся труп.

Жизнь стала невозможна. Он иногда уходил на луг и, остановившись, глядя перед собой иступленными глазами, ломал до белых пальцев и твердил вслух:

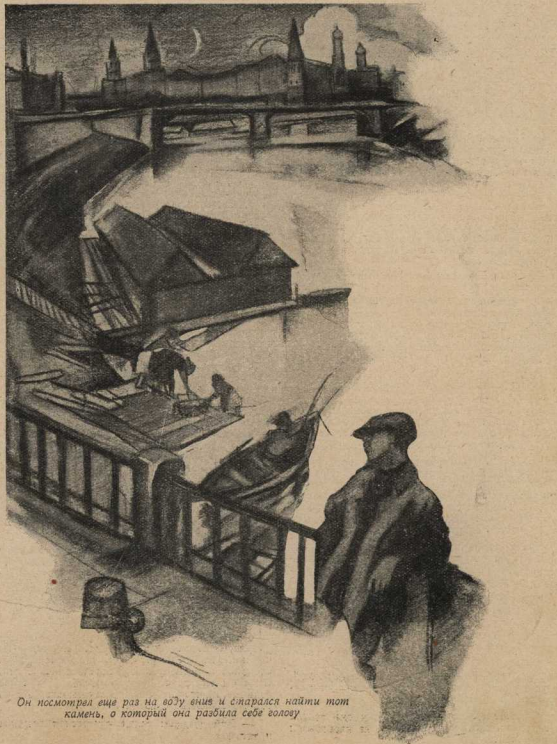
— Я люблю тебя... Но, ведь, тебя уже нет... Разложившийся труп... О, если бы вернуть тот момент! Я представил бы тебе полную свободу, ты не почувствовала бы никогда никакой связанности. Я был бы тебе самым верным другом, я принял бы и полюбил все.

— Милый мой! Что это у тебя?—вскрикнула один раз мать.

Виктор посмотрел на себя в зеркало и увидел над лбом седую прядь волос.

С этого дня стало еще тяжелее, потому что мать и сестра чувствовали, что он скрывает от них какую-то тайну.

Продолжаться так дальше не могло. Он почувствовал, что смысла в его жизни нет никакого. Раз нет ее и раз она ушла с ненавистью к нему,—то неужели он может бороться о месте, о жалованьи? Это невозможно.

Он посмотрел еще раз на воду и старался найти тот камень, о который она разбила себе голову

Что такое любовь? В чем ее тайна? Ведь если бы он был самым лучшим человеком на свете, если бы он молчал на и с е, она все равно оттолкнула бы его с отращением. И в то же время женщина может любить заведомо негодяя, убийцу даже. В чем же заключается тайна любви? И почему о нем полюбила ее, которая не могла бы дать ему ничего, кроме страданий, мучитель ревности, оскорбленного самолюбия? Почему? Он же—будущий враг, он знает, что никаких сверхъестественных сил нет. Так что же это за сила? Моральные свойства человека не играют никакой роли, физические свойства и того меньше. Что же здесь, наконец, играет роль?

И если бы он пошел на все эти условия, какие она в пр е д л а г а (когда была юной) мужике, все равно это не могло бы ему дать ее любви.

Виктор чувствовал, что он не может дольше жить в прежнем состоянии. Ему нужно поехать, посмотреть на то место, где он в последний раз видел ее изнеможенном ужасом лицом и отрывал ее, цеплявшись за его рукава, руки, а потом принять маленький порохочек...

Он приехал в Москву и прямо с вокзала поехал на то место.

Город затихал к вечеру и жила своей обычной жизнью, как бы независимо от того, что произошло. На будке вообще ничего не происходило. На Москва-реке, засучив штаны, стояли рыбаковы с удочками, прачки, жавая между колен рубахи, подсажив на камнях бегемоты. В ближайшей церкви звонили ко всенощной. И гладь реки была по-вечернему спокойной.

Виктор подходил к реке, и сердце у него билось редкими, тяжелыми ударами.

Вот это место... Низкая решетка. Он остановился, заглянув вниз. В глазах потемнело, стало больно и пошли зеленые круги.

Он не помнил, сколько он времени стоял. Он посмотрел еще раз на воду вниз и старался найти тот камень, о который она разбила себе голову. Но вода была спокойная глубина и камней не было.

О, если бы вернуть то момент...

Виктор почему-то вдруг безотчетно повернулся и увидел в прохлывающем трамвае лицо жив о й Лены Глав.

V

Это было почти ее лицо. Только более бледное и более тонкое. И выражение его было совсем другое: не открытое и задорно-веселое, а ушедшее в себя.

Первым движением Виктора было бежать за трамваем.

Он опущал такое беспокойство и такое волнение, что не мог стоять на месте. Он почувствовал вдруг одно, что он не может теперь покончить с собой, когда здесь, в Москве, есть существо, которое овладело его душой. Но, ведь, другая, не та!.. Но это все равно. Как в е р а в о т.

Он вышел домой, в свою комнату, и всю ночь ходил из угла в угол.

Утром Виктор пошел по той улице, где жила Лена Глав. Вот тот переулочек, в котором он подкачал ее в тот роковой вечер, вот ее дом, вот под'езд и вот... она сама...

Что это?... Из подъезда вышла та девушка, которую он видел вчера в трамвае. Да, это она. Она шла, опустив голову, в белой шелковой шапочке с красным бантиком сбоку, настремчу ему. И когда до него оставалось шага два, она машинально подняла голову, и вдруг щеки ее покрылись смертельной бледностью.

Она в толпе спешащих пешеходов прошла мимо. А он остановился, сделал рукой какое-то нелепое движение—то ли он хотел вскрикнуть, то ли сдать фуражку.

И несколько минут он стоял на одном месте, смотрел в том направлении, куда она ушла...

VI

Лена, сброшенная Виктором с набережной, была вытаскана сторожем при купальнях и отправлена в приемный покой.

Когда ее спрашивали там, как она попала в воду, она сказала, что стояла на набережной и отступалась.

Она сама себе не могла отдать отчета, почему она скрыла правду.

Знакомым же она рассказала, что купалась и разбилась, прыгнув в воду слишком высоко.

Она очень изменилась. Почти никто не видел ее теперь смеющейся, как прежде. Если она шла, то смотрела прямо перед собой, а не на дорогу, точно поглощенная одной мыслью, которую не могла разрешить: одним вопросом, который неотступно преследовал ее.

Она спрашивала себя, почему она не только скрыла, что ее сбросил Виктор, но даже боялась, как бы это не обнаружилось? Почему? И не могла найти ответа.

Потом ее мучил вопрос: неужели человек, так сильно ее любивший, мог почувствовать к ней такую ненависть, чтобы решиться лишить ее жизни? А, ведь, не подосел во-время этот сторож, она бы утонула. И неужели у него и сейчас, если бы он ее встретил, оказались бы только одни ненависть?

Она не могла отдать себе отчета в том, что она чувствовала сейчас, но ясно было только одно: что уже не было ни малейшей ненависти к Виктору. Она искала ее в себе и не находила. Ее больше всего интересовал вопрос, где он сейчас и что к ним?

И когда ей приходила мысль о том, что он сейчас, наверное, в Москве, она испытывала такое волнение, какое испытывает человек, приехавший после многолетних скитаний в свой родной город, где есть близкие ему люди, которые уверены в его гибели. И они не подозревают, что он здесь, около них.

Она даже один раз ходила к его дому, надеясь увидеть Виктора, но не увидела, а зяйти и спросить, здесь ли он, она не нашла в себе силы. И какой смысл был бы в этой встрече—после их страшного последнего свидания?

Это—не близкий человек, который бы рад был ее извинению. Ее повинение только испугает его, как испугало бы доведение пришедшего, а потом вызовет в нем новую волну ненависти.

А видеть хоть еще раз в жизни такой взгляд безузорной ненависти, который был у него, когда он горю у ее своих рукавов ее целующийся руки—это было слишком страшно.

Ей даже не нужно было говорить с ним и видеться, ей нужно было только взглянуть на него, как если бы человек своей смерти хотел взглянуть на землю и увидеть, что делают и как живут оставшиеся жить люди, имевшие близкое к нему отношение.

Найдет ли он на их лицах хоть что-нибудь, немоще отвычек к его вечному отсутствию? Или они, проводя до могилы его труп, вошли в обычный круговорот жизни, как будто его никогда не было?

И как, в сущности, странно это забвение. Тебя любят, о тебе заботятся, близкая душа печалится, когда ты уезжаешь, и плачет от радости, когда ты возвращаешься. И являть смерть... Возвращ неутешного горя. Желание броситься за тобой в могилу и позориться ее рядом с тобой. А потом твой неутешный друг возвращается домой, по настоянию родных подкрепляет себя пищей. На другой день он делает это уже без настояния родных. А потом факт твоего несуществования становится привычным фактом. И если о нем еще вспоминают, даже скорбят, то все-таки как-нибудь нечаянно разбитая чашка вытесняет на мгновение н о л о с т ь м ы с л ь о тебе.

Живой человек постоянно обьявляет себя любить тем, что напоминает о себе. О нем и з а б ы т ь о б и о забывать, потому что он кажется и то обидится. А мертвый более снисходителен.

Лена при этих мыслях вдруг чувствовала жуткий холод вечного человеческого одиночества, от которого не может спасти ничто. В самом деле, если на другой день после смерти любимого человека разбитая чашка может хоть на одно мгновение вытеснить память о нем, то что же есть прочного на земле?

У нее было такое чувство, как будто она уже умерла, а потом опять вернулась, и оказалось, что никто по ней не тосковал. Знакомые обычно, спокойно и равнодушно, раскидывались с ней. Если бы она действительно погибла, то самое большее, на что она могла рассчитывать, это то, что ее никогда сказали бы:

— Как досадно: такая интересная девушка и погибла.

А через минуту заговорили бы о том, куда лучше ехать на лето.

Она как бы краем глаза заглянула из жизни на жизнь и не нашла ни одной близкой души в этом мире, которая сохранила бы память о ней.

Этот взгляд, взгляд после смерти на землю дал ей новое познание, и это познание обьявляло ее холмом бесконечного одиночества и самой ненужности ни для кого.

Когда же она встретилась с Виктором, он ничем не успела опутать, кроме безумного волнения. И только когда она уже потеряла его из виду, она отдала себе отчет в том, что заметила даже выражение его лица.

К

VII

После этой встречи Виктор каждый день приходил к ее дому и смотрел на ее окно, выходя на несколько часов. Один раз он видел как занавеска на окне заколебалась, но будто чья-то рука хотела открыть окно, но почему-то остановилась...

У него замерло сердце, он в волнении, от которого стучало в висках и шумело в ушах, стоял, окаменев, и ждал, не увидит ли ее. Но слыша занавеску не было видно, что за занавеской в комнате.

Однажды Виктор встретил Сергея Гроховского.

— Что нового?—спросил Виктор и с быстрым сердцем ждал, что тот скажет.

— Но Гроховский не сказал ничего особенного... Лена давно не видел?

— Давно уже,—ответил Гроховский спокойно.—Одно время она была больна, ушибла во время купанья, а потом она теперь вообще никогда не показывается.

Для Виктора стало ясно, что она от него скрыла его преступление.

Почему?

Во второй раз он встретил ее, когда она пришла к дому. Виктор в волнении, от которого у него в глазах пошли зеленые и красные круги, сжал фуражку. Бледные щеки Лены Глав записались при этом ярким румянцем. Глаза ее не глядя куды как бы прикоснулись почему-то на глаза ее, и так как они были так близко спланились, то вошли вместе.

— Вас не было в Москве?—спросила Лена.

— Да, я уезжал отсюда.

Они шли и говорили о безразличных вещах, как это бывает, когда близкие прежде в свои мужчины и женщина неожиданно через дель промежутки встречаются после разрыва и на этом словом не касаются прошлого.

В их разговорах была и некоторая робость и стесненность, как будто они совсем давно подошли друг к другу. И часто на щеках Лены вспыхивали румянцы, когда Виктор спрашивал ее о каком-нибудь пустяке и при этом взглядывал на нее.

Они незаметно прошли до самого кладбища и шли мимо его низкой ограды со старыми деревьями. Виктору почему-то пришла мысль, и можно ли сейчас между ними резкие и грубые отношения, как тогда, когда они шли к набережной?

Нет, невозможно,—ответил он сам себе. Что, если бы она сейчас сказала ему, что она сбросила с Гроховским, стал бы он оскорблять, как тогда оскорблял? Нет. Это совершенно ясно.

Так в чем же дело? Что с ним и в них обьявил произошло?..

Лена остановилась и, наклонившись, ринула около ограды цветы. Виктор смотрел на ее склепленную фуражку среди пышной зелени и склепительных бликов солнца, сиделась что-то свитая мыслью, бывшее в этой картине, и не мог.

Лена, нарвав цветов, подошла к нему, и держащая цветы, задражала.

Лена взглянула на его волосы. Рука и держащая цветы, задражала.

— Что это?—спросила она, указывая на белые волосы.

— Это... это...—сказал Виктор, и не доверив, покраснев и замолчал.

Лена несколько мгновений смотрела на ее волосы и вдруг, с блеснувшими в глазах слезами, охватила его шею одной рукой и прижалась к нему с этой своей пряди волос.

В Д О Л И Н Е

(Chanson Triste)

А. УЭЛЛС, перевод с англ. П. ОХРИМЕНКО, рис. П. СТАРОНОСОВА

Мне часто казалось, что если я изложу все это на бумаге именно так, как это было, то у меня станет легче на душе. Потому что до сих пор ничто не могло дать

мне облегчения и я. Один, два, три, семь долгих годов уже прошло с тех пор, как это случилось и в таком месте, которое находится на расстоянии

пяти тысяч миль от меня, и, тем не менее, до сих пор бываю дни, ночи и даже недели, когда все снова так ясно встает предо мной, как будто случилось только вчера.

Странные и, казалось бы, совершенно не имеющие отношения к делу вещи вызывают у меня такое настроение. Мне, например, всегда бывает особенно тяжело, когда созревает виноград (в особенности мелкий «черный» сорт), или когда я слышу крики чибисов в ясные, лунные ночи; кроме того, есть одно место, которое я всегда стараюсь избежать, как чума. Ничто не может заставить меня взобраться на холмы, протянувшиеся вдоль пригорода, где я живу, чтобы окинуть взором обширную долину, миль двадцать в длину, в другом конце которой, далеко на горизонте, словно в тумане, маячит другая цепь холмов.

Но больше всего на меня действует малоизвестная, но преобладающая мне в память мелодия. Незатейливая, но грустная и нежная, она вдруг овладевает мной, и тогда я не могу оторваться от воспоминаний о Дмитрии.

Дмитрий был солдатом, обыкновенным болгарским солдатом, но только с той поразительной и важной разницей, что из всех солдат, погибших в мировой войне, его смерть была самой ужасной. И хотя не я убил его, но мне всегда кажется, что я виновен в его смерти. В одном, во всяком случае, я вполне уверен: Дмитрий умер с сознанием, что я предал его.

Это случилось неподалеку от небольшого городка, называемого Доррен и расположенного на краю огромной долины, где протекает река Струма, на границе Болгарии с Македонией; но я хотел бы, чтобы вы сейчас же забыли эти названия и представили себе только городок и долину: городок—куча бедных, неграмотных зданий, потрепанных снарядями; долина—огромная, гадкая равнина, протянувшаяся миль на двадцать и расположенная между двумя горными хребтами, настолько высокими в диком, что военные эксперты считали их неприступными. И я хотел бы, чтобы вы представили себе, что в это время, как в городке война ведется самым современным способом—два враждебных лагеря тихо постепенно подкапываются под территорию друг друга,—война в долине состоит в том, что небольшие отряды солдат вылезают в ночное время из своих траншей в горах, бродят по долине до рассвета и затем опять возвращаются в свои траншеи. Над городком по ночам часто слышится свист снарядов и сквозит дыми прожекторов, но в долине, протянувшейся на двадцать миль, ночной мрак и тишина редко нарушаются каким-нибудь звуком или вспышкой огня от отдельного выстрела. И вся долина так испещрена оврагами и небольшими гучами деревьев и в ней настолько безлюдно, что отряд из одного лагеря может пройти мимо отряда из другого лагеря на расстоянии всего каких-нибудь ста шагов и они не заметят друг друга.

Потому, я думаю, вы легко можете представить себе обстановку, в которой со мной случилось то, о чем я собираюсь рассказать. Но я совершенно не в состоянии передать вам чувство человека, который вдруг вылез из своей мышиной норы в гору и пошел бродить по долине, поддаваясь какой-то странной фантазии—смутившийся детский страх первые несколько ночей и затем, с течением времени, необыкновенно приятное чувство

свободы, которым, казалось, дышало все окружающее. Мне хотелось бы, например, как-нибудь передать вам хоть частичку той радости, какая заключается в этих тайных прогулках; но чувство необыкновенного волнения, которое испытываешь, когда крадешься в эти разоренные, покинутые жителями, деревни, где можно встретить разве только разведчиков из противного лагеря. Но больше всего мне хотелось бы передать вам то чувство внезапного изумления, смешанного со страхом, какое охватило меня, когда я, отправившись однажды ночью на поиски фигового дерева, которое я видел здесь раньше, наткнулся в овраге на маленькую хижины с соломенной крышей, которой я раньше не замечал.

Я осторожно подкрался к двери, минуту подождал, напряженно прислушиваясь, затем, не слыша ни малейшего звука, вошел в хижину. В хижине, повидимому, были плотно забиты окна, так как лунный свет не пробивался ни в одну щель. Я чиркнул спичкой и начал осторожно осматриваться. Небольшой ветхий столик и не менее ветхий стул, придвинутый к нему,—вот и все. И вдруг посреди стола я заметил огорок свечи, а на краю—тоненькую, в черном переплете, книжку—томик стихотворений. Книжка была раскрыта на странице, где автор тоскует по своей возлюбленной.

Что оставил здесь эту книжку и кто читал эти стихи? Кто страдал так по своей возлюбленной, кто уходил по ночам из своей части в эту заброшенную хижину и читал здесь в уединении? Я быстро перевернул листы и на первой странице прочитал: «Дмитрий Николов».

Нужно полагать, что прошло несколько минут прежде, чем я осознал все значение своего открытия—книга эта принадлежала человеку из враждебного лагеря, который мог войти сюда в любую минуту. Дрожь от волнения, я быстро сузил томик в кармане, погасил свечу и вышел.

Не спрашивайте меня, почему в следующее свое посещение маленькой хижины в овраге я оставил на столе единственную книжку стихов, которую я всегда имел при себе на войне,—небольшой, в кожаном переплете, томик стихотворений Омара Хаяма. Мне просто казалось, что именно так нужно сделать, и я до сих пор припоминаю, с каким волнением, спустя две ночи, я пробрался ползком в овраг, уходя от своего патруля, чтобы посмотреть, принял ли мой подарок.

Да, на столе было пусто, если не считать небольшого огарка. Но вдруг я заметил некоторую особенность в этом огарке. Вместо того, чтобы стоять прямо, как было прошлый раз, он лежал на боку, и от его фитиля через весь стол протянулась длинная полоса салных ятея, которые шли дальше по полу до небольшого плоского камня у стены. Я понял, что меня наводят на мысль, чтобы я поднял этот камень, и минуты две спустя, со страшно бьющимся сердцем, я держал в дрожащих руках письмо, написанное неровным почерком, в котором говорилось, что хотя автор его—болгарин, но что он большую часть своей жизни прожил в Америке и успел так познакомиться с английским искусством и литературой. Он подтрунивал надо мной за то, что я избрал своим советчиком и утешителем на войне древнего персидского поэта, умершего восемьсот лет тому назад.

«Я думаю, что ты [англичанин] до мозга костей»,—писал он,—«лю, англичане, любят считать себя и твердыми, и непоколебимыми, и непроницаемыми».

А в другом письме оно распространилось о той ужасной, никому не нужной, кровавой бойне, которая происходила повсюду в те чудесные весенние дни печального 1917 года. Странными, жгучими словами было написано это письмо; так мог писать лишь тот, кто только недавно собственными глазами видел весь этот кровавый ужас. Но я не стану беспокоить вас подробным изложением этих писем. Бедный Дмитрий! Цитировать его письма—значит насмехаться над ним. Но они положили начало нашей необычной дружбы. Конечно, мы оба знали о том, что наше поведение слишком опасно и ложно, что мы совершаем «преступления» против закона, за которое, если наши сношения будут открыты, мы немедленно будем расстреляны. И, тем не менее, говоря от своего имени, я должен сказать, что у меня всегда было чувство необыкновенного влечения к этой дружбе, о которой не знал никто, кроме нас. И самый тот факт, что эта дружба была запретной, делал ее еще более привлекательной. Казалось, в то время я только и жил теми ежедневными письмами, которые я находил под плоским камнем в маленькой хижине в овраге; и часто среди бела дня я вдруг застывал на одном месте и пристально глядел вдаль через огромную долину, думая

об авторе этих писем, сидевшем где-то в «мышинной норе» отдаленных холмов и, быть может, тоже думавшем обо мне.

Со временем письма уже не удовлетворяли нас. Мы стали дарить друг другу разные вещи. Я начал с того, что обратил его внимание на пачку папирос и коробку шоколада, которые я положил в дупло фигового дерева, шагах в десяти от хижины, а он ответил мне тем, что оставил для меня гроздь черного мелкого винограда, равного которому по сладости мне никогда не приходилось пробовать.

Затем нас перестали удовлетворять и подарки. Дмитрий заговорил о фотографических карточках, «предпочтительнее штатских», как выразился он. Я долго сомневался на этот счет, опасаясь разных возможностей, но, наконец, сдался; и вот даже в эту минуту, когда я сижу за столом и пишу, на меня безмолвно и как бы вызывающе смотрит высокий, тонкий юноша, того типа людей, о которых говорят: «человек с темпераментом», с шапкой черных волос, небрежно зачесанных назад.

Для нас теперь оставалось только одно — встретиться; но мы оба, как мне кажется, боялись даже упомянуть об этом. Ибо здесь мы приближались к той точке, которая могла, наконец, погубить нас. Удивительно было то, что часто думал я, что мы не встретились случайно; и раз ночью, как я припоминаю, мы едва не встретились. Дмитрий почему-то вел себя крайне неосторожно. Подойдя шагов на двадцать к хижине, я заметил слабый свет, пробивавшийся в дверь, которую он закрыл не совсем плотно. Затем свет вдруг погас, и минуту спустя, я услышал шаги человека, направлявшегося к противоположному концу оврага, и нежное, грустное, музыкальное напевание, смешивавшееся с монотонным кваканьем лягушек.

Минут пятнадцать стоял я на одном месте, вслушиваясь в эту мелодию; холодный пот выступил у меня на лбу; я боялся, что Дмитрий, возвращаясь к себе, натолкнется на наш патруль, на обязанности которого (так же, как и на моей) лежало — взять его в плен или убить. Но ничего не случилось.

Я потихоньку проскользнул в хижину и направился к камню за своим очередным письмом. Но там оказалась лишь маленькая записочка:

«Уезжай отсюда в конце недели. Надеюсь, когда-нибудь встретимся».

Что означают для вас эти слова, напечатанные здесь, как вы их видите, обыкновенным холодным шрифтом, я не знаю. Я знаю лишь одно: когда я стоял там, при тусклом, дрожащем пламени свечи, прислушиваясь к бесперывному, ненасытному реву орудий, доносившемуся со стороны города, мне казалось, что передо мной открыт теперь только один путь.

«Мы должны встретиться, Дмитрий», — написал я. — Среда, полночь. Приходи, буду ждать. Я приду во что бы то ни стало».

...Порой у меня является мысль, что где-то в нашем страшном, жестоком мире сидит бог войны, который зорко следит за тем, чтобы его неумолимые, освещенные лекама догмы не были нарушены.

Мне не пришлось встретиться с Дмитрием, во всяком случае так, как мне хотелось. В тысячный раз я припоминаю то одновременно и тревожное и радостное чувство, которое я испытывал при мысли о предстоящей встрече, и в тысячный же раз мой ум возвращается к тому страшному событию, которое произошло в ту роковую среду, в результате попытки осуществить эту встречу...

С усердием женщины, готовящейся к свиданию со своим возлюбленным, я, сидя в своем блиндаже, готовился к назна-

ченной встрече с Дмитрием. Мое сердце билось безумной, вудожимой песней тайной радости. Императоры, премьер-министры, командиры, — никто и ничто не могло удержать меня и Дмитрия от предстоящего свидания.

И вдруг, с внезапной быстротой, на нас упал удар. В блиндаж ко мне неожиданно вошел мой товарищ по батальону, Риз

— Слыхал? — спросил он.

— Слыхал — что? — в свою очередь спросил я.

— Шпиль! Сегодня ночью патруль уходит на задание с определенным заданием. Мы должны схватить этого «Джонни» или прикончить его на месте. Не знаю, видел ли ты, старик, когда-нибудь небольшую хижину с соломенной крышей, которая стоит в овраге? Давно уже у меня были подозрения насчет этой хижины; один раз мне даже показалось, что я видел там человека, хотя в то время я не был уверен в этом. Но вчера я не только

дел свет, из самого «Джонни» — он спавно прошептал с пяти шагов от меня за деревьями, насильно вая, как групатка. Я так изумился, что не знал, как быть. Серва боялся даже говорить об этом, но потом сказал капитану, будто из хижине цела форпост, промолчал, конечно, о встрече с «Джонни». «А когда ты было?» — спросил меня капитан, наступивший живший. «Приближительно в полночь, сэр», — ответил я. — «Хорошо», — сказал старик, — сегодня ночью мы и покажем, как бывают форпосты».

Отправившись однажды ночью на поиски... я наткнулся в овраге на маленькую хижину

Мое лицо, отраженное в зеркале, перед которым я брился, явно было сделано пегельно-серым, страшным. Что было в душе, я не могу точно сказать; я только скажу, что, ожидая некоторое время, чтобы не показались стрелы, я вышел из блиндажа, с трудом передвигая ноги, и в бреду, откуда я мог смотреть — как смотрел много раз раньше на огромную долину, по которой сегодня должен был пройти Дмитрий — если я не остановлю его — на верную смерть. Он должен был умереть с мыслью, что я, в ком он видел представителя нового лучшего мира, предал его в руки смерти. Если я не остановлю его. Но как я мог предупредить его? Если бы я даже мог добродо до него, то где я мог бы его отыскать? Все, что я знал о нем, то, что он находится где-то там, за обширной равниной, и если я и не дам знать ему, он сегодня ночью будет убит; умер с той же уверенностью в том, что я убил его, как если бы я собственной рукой нанес ему удар.

Я не стану мучить вас безумными подробностями той ночи. Одно только пытку мне удалось избежать: вместо того, чтобы быть посланным с тем отрядом, который должен был атаковать хижину, я был прикомандирован к другому, который, распла жившись в дальнем конце оврага, должен был отрезать путь отступления.

О состоянии моего ума, о моих переживаниях в те минуты, когда я шел с отрядом в засаду, я могу сказать немного. Мне кажется, что у меня не было никаких мыслей, никаких переживаний. Не знаю почему, но у меня сложилось определенное убеждение, что Дмитрий будет убит; и на душе у меня было совершенно пусто, как это бывает во время похоронной пра-

десси с теми, кто провожает на кладбище дорогого покойника. Я как будто забыл обо всем, пока, после полчасового ожидания, в дальнем конце оврага не раздался выстрел. Тогда мое оцепенение сразу исчезло, и я бросился бежать в ту сторону.

— Поздно, старина!—со смехом встретил меня Райн.— Только один из них, но заминался, как чорт! Получил прямо в живот... в двух местах, бедная крыса. Уже умирает... У тебя нет фляжки с водой?

В десяти шагах от меня, посреди оврага, по которому он метался еще пять минут назад, как заправленный зверь, лежал Дмитрий. Он умирал—не так, как военные художники ложно и красочно изображают умирающих на поле сражения, но со всей агонией безобразно зарезанного животного.

Он слабо потянулся губами к фляжке с водой, которую поднес ему ко рту санитар, и как раз в этот момент лунный свет упал мне на лицо, и я увидел, что он узнал меня. Через минуту мучения его кончились, но в эту минуту на лице его отразилась такая мука, какой я не видел ни на одном человеческого лице. Санитар, повидимому, принял это за последнюю спазму умирающего особенно мучительной смертью. Но я видел в этом лице совсем другое. Физическая боль менее всего отразилась в нем. Я понял, что Дмитрий Николаев умер самой безнадежной, самой ужасной смертью, какая только может выпасть на долю человека,—умер не только сознавая себя жертвой безумного мира, но мучивый в последнюю минуту непроверженной мыслью о том, что я, кого он считал своим другом, изменил союзу, возникшему между нами вопреки

«Не боль, не ненависть, не какое бы то ни было желание было написано у него на лице, а только чувство безнадежного, невыразимого отчаяния.»

тому кровавому хаосу и вражде, которые окружали нас. Не боль, не ненависть, не какое бы то ни было желание было написано у него на лице, а только чувство безнадежного, невыразимого отчаяния.

ЗВЁЗДНЫЙ ЛЫЖНЫЙ ПРОБЕГ

В рождественские праздничные дни Московский Совет Факультуры провел второй звездно-лыжный пробег по территории Московской губ. Со всех уголков двинулась армия лыжников, количеством до 1.000 чел., к Москве, стараясь попасть на место финиша — Советскую площадь: — к 26-му декабря. Участники сами выбирали себе маршрут и шли, делая в день до 50 км. (женщины 20—25 км.). Четверка факкультуристов союза транспортных рабочих совершила лыжный пробег из Смоленска в Москву долиною в 530 км. Наритовцы шли по маршруту Владимир — Н.-Новгород—Москва. В Москве на месте финиша участников встречали представители МГСПС и МКСФК.

А после длинного пути было принято отдохнуть и насладиться в столовой «Коммунар», на дверях которой в этот день красовалась несколько необычайная надпись: «Вход только для лыжников звездного пробега».

ТРАНСПОРТНИКИ

пришли из Смоленск. губ.

Подходят к старту,

пройдя 530 км.

ЛЫЖНИКИ СОЮЗА МЕДИКОСАНТРУД, ПРОШЕДШИЕ ПО МАРШРУТУ: «ПОДСОЛНЕЧНОЕ—МОСКВА»

— Да, ведь, что за удивление,— как будто с радостью подхватывает рассказчик,— не успел поутру доплыть сапрены, на реку с'ездить, на волости десятские бегут, о войне с немцами объявляют. Что было-то!

— Чего говорить,— оглашался слушатели!— дожда не нужно, всю землю слезой уплати!

— Что я вам скажу, братцы,— таинственно, понижая голос, говорит прежний рассказчик,— взвизгнув, нет ли— будим-то бы наша шарина, которая молотка, с немецким-то царем в сестрах состоит.

— Ну, друг,— осторожно замечают другие слушатели,— не нашими мозгами воду греть: родня ли, не родня ли, а тебя посылают, ты, значит, готовь живот свой положить за царя и отчество, а кто там, чего там... знай, помалкивай...

— Только и остается,— подтверждает кто-то.

— Слов нет, ежели бы повздорили немцы с русскими, да и все тут, а ведь...

— Да оно может до сурьезного не дойдет...

— Неужели господин допустит кровь чело-вечью понапрасну,— подхватывает в кругу. Разговор обрывается. В лобной проходке гложут звуки, только пародок крикят расшатанными суставами да бурлит под винтом вода.

— Теперь бы,— слышит тенорок рассказчика,— пришел и сказал: «На-те, вот, отработай пополюги, на клюшке работать буду...» Только бы домой...

— Боязно под нули?— спросил бас и засмеялся:— эх, ты! В селе первый ухахр бы, теперь струнул?

— Струнул!— с видимым озлоблением выкрикнул тенорок.— Ты-то, небось, не струнул? Чего уж там...

Голоса постепенно комокуются и, наконец, окончательно замолкают.

Аленка усладно тарарится и не сводит глаз с двери замеченной им каюты. Единственная электрическая лампочка крутилась на проходе, освещая небольшой круг сияющих. Аленка остался в тени.

«Сказать бы Якову Ивановичу,— думает он и снова опухивает карман, чувствуя под рукой что-то круглое и холодное.— Эти еще, черти, орут,— ругается Аленка на подгулявших офицеров. Прижимаюсь к ящикам и вытягиваюсь, замечает свет в раскрытой двери, за которой на-блюдает.

Зяблов, в наброшенной на плечи шинели, мелькнул в освещенной полосе, шагнул вперед, лестница легко скрипнула. Зяблов вконец прошел к корме парохода.

Аленка легко спрыгнул на пол между ящиков, сбросил сапоги и в одних чулках неслышно двинулся следом за смичком. Зяблов остановился, приглядываясь к лицам, делая вид, что отыскивает место, где удобнее пройти.

Аленка тоже остановился; он пользуется каждой щелью, оставаясь выступом, чтобы быть незаметным. Иногда он останавливается, провожая глазами несную фигуру смичка.

Зяблов обошел кругом кормы, на секунду показавшись с правой стороны, потом скрылся за причальным канатом, согнулся там так, что выделалась одна голова, и неожиданно исчез.

Аленка перебежал палубу и, заметив смичка, направляющегося в новую часть парохода, там, где стояла лебедка и вышались ящики, вообразил наверх, как раз на пути Зяблова. Лег на живот около самого края и приготовил руку, выткнув ее вдоль тела, осядая в ладони холодок железа.

Двигалась по коридору одна форменная фуражка. Аленка нацелился и весь сякся. Фуражка совсем рядом, железный несст вместе с рукой сделал широкий полукруг и с большой силой ударило обо что-то упругое, но податливое. Послышался чмокающий звук, как будто ударил в свиновую бабку.

Зяблов перегнулся, ноги в коленях подомылись, несей тяжестью тела рожуул смичк между ящиков — и ни одного звука, как будто бы свалился мешок, набитый песком...

Главное было обработано, но откуда-то пришла растерянность, боязливая, ребячья,— замечал Аленка.

Собразил: «Выбросить через борт — и концы». Хотел было сделать это, подняв груз смичка за плечи и пробел: «А ну как увидят?»

Прошел до кормы. Тихо, все спят...

— Ах, ты! — застал Аленка, и свой голос показался слабым и придурешным, что-то перекатывалось из груди вверх, не давало дышать. Сел на корточки в ногах у трупа; сидеть долго — минута шло обычной дорогой, где не положено торжливости, оттого они были длинными, как изорванные. Коснувшись впотмах убитого, вскопил и как-то сразу откатил ход в машинное отделение и оттуда в жаркую котельную. Здесь были слышны голоса людей и здесь пришло необходимое спокойствие.

Увидел два отрезка котла, топика, где гудел и крутился, ища выхода, огонь. Слова людей были неразборчивы: кричали, а что — Аленка не понимал. Когда заметил обнаженную до пояса фигуру Савелия, позавыл сказать условные слова, просто пошел, шагнул в полосу огня и этим обратил на себя внимание.

— Ты зачем тут? — Савелий спросил и встал так, чтобы не было видно Аленку, плечом оттер его за устья котла.

Свой вопрос Савелий повторил еще раз и из медленно поднялся кверху, когда заметил бегущие глаза и прислушался к путанице слов молодого товарища.

— Тут вот, тут,— ткнул Аленка Савелия, ухватив его за подол блузы.

Глаза Савелия расплесались в темноте, он наткнулся на труп, опустил под рукой заолодлевшее тело.

— Ну? — с беспокойством обернулся он к Алексее.

— Я... — сказал Аленка, и в голосе его почувствовалась отчетливая гордость и удовлетворение.

— Чего ты?

Было выдержанное молчание, и только почувствовал на своем плече руку, Аленка ответил, выдвигая грудь:

— Убил «Муху»...

После все пошло, как по сне. Аленку никто не хвалил вслух, но когда собирался все, то относились к нему с видимым вниманием и даже бережно.

— Эх-а... — неопределенно шепнул в самое ухо Авдичу, — чорт, не ребенок, молодчик дорогой.

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР МОЛОДЕЖИ

Вслед за Московской и шахматным турниром в Москве, организованным «Комсомольской Правдой», комсомольские организации и клубы многих городов Союза организовали подобные же турниры.

Это свидетельствует о большом интересе рабочей молодежи к шахматам.

Наш журнал с следующего номера организует у себя постоянный отдел «Шахматы и шашки».

ГЕРОИ ЧУБАРОВЩИНЫ: 1. Пашка Кочергин. 2. Осипов. 3. Малолетний «чубаровец»

Узкие улицы, темные переулки, мрачные тупики.

Жуткая мерзость пригноив, пьяный разгул шпаны, грязные пивные, ютящиеся преимущественно в полуподвальных помещениях.

Здесь свой особый грязный мирок. Свои нравы, чудовищные традиции и зверские обычаи. Раньше это место называли «Петербургскими трущобами». Потом, вспоминая Горького, говорили, что это — «Ленинградское Дно». Теперь новая вывеска красуется над этим вонючим болотом большого города — «Чубаровщина».

Пройдут недели, месяцы, годы, и забудутся имена бандитов-наильников, рыцарей «почетного Чубаровского легиона». Ступаются в памяти типы Пашки Кочергина, Осипова, Михайлова...

Но сейчас уже в Ленинграде многие, вместо того, чтобы сказать «хулиган», говорят просто «чубаровец». И совсем поэтому не кажется странным возмужденное жителю Чубарова переулка ходатайство о его переименовании.

Чубаров переулок почти у самого Невского, вернее, у самой привлекательной его части, где Невский граничит с Лиговкой. Это место славится проститутками, пьяными девицами и ночными гастрольями лиговской шпаны. Здесь со-

бирается главная масса хулиганствующего молодняка города и уже отсюда эта мутная река хулиганства расплывается по Лиговке, Обводному каналу, Чубарову переулку и другим «Чубаровым» закоулкам.

Тщательное разбирательство «чубаровщины» показало, что ее главные герои ничего общего с рабочей средой не имеют. Они — чуждые, гнилой нарот на теле рабочего города. Они случайно пришли на завод, случайно попадали в комсомол и далеко не случайно пришли на скамью подсудимых.

В том-то и дело, что и на завод они пришли уже «чубаровцами». Пришли из разлагающегося мещанского болота — с угла Невского и Лиговки.

Суд над наильниками Чубаровского переулка продолжался больше десяти дней. 7 человек — основное ядро чубаровщины — приговорены к расстрелу. Это те, что из трагедии женщины сделали веселый водевиль. Это главные распорядители кошмарного преступления в Сан-Гали.

Несчастная жертва чубаровских наильников тихим голосом рассказывала суду. Окколо десяти часов вечера, направляясь к своей знакомой, она проходила по Чубарову переулку. Вдруг ее окружила большая толпа хулиганов. Кто-

накинул несчастной девушке на глаза тряпку и, схватив ее за руку, бандиты потащили ее добычу в знаменитый теперь сад Сан-Гали. О сопротивлении ничего было и думать. Разве могла оказать какое-нибудь сопротивление слабая женщина здоровым чубаровским бандитам? Когда бандиты отпустили свою жертву, то еще грозил ей: «Если выдашь, то смотри!».

«Чубаровщина» мстительна. Бандиты грозил и свидетелям и следственным органам.

Каков внешний облик чубаровца? Самый обыкновенный бандит. Стучалось ли вам поздней ночью по темным окраинам города? Кругом мрак и пустота. По бокам туснеют слабо освещенные дома и полуразрушенные здания. Вдруг где-то в воздухе рядом прокатывается трель милийского свистка. Внезапный шум, звон разбитого стекла, пьяная брань, и... перед вами «чубаровец».

Чубаровец остался таким же, когда его взяли и посадили на скамью подсудимых. Ни тени раскаяния. Наоборот — лихое «чубаровское» ухарство и непроходимая, безмерная, непробудная тупость.

— Я расстреля не боюсь, — пренебрежительно заявил прокурору один из главных за-

правил чубаровской шайки — Осипов.

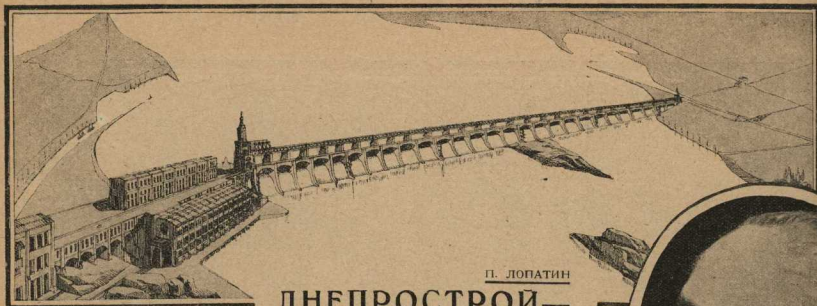
И скамья подсудимых с гордостью смотрела на достойного представителя «чубаровской» корпорации. Не подкачал.

Как жили «чубаровцы»?

Вечером «чубаровец» тщательно расчесывает свой неизменный чуб, разутюживает широченный клеш и идет «развлекаться». Первый этап прогулки заканчивается пивной. Чубаровцы даже время определяют по пивным. Свой особый «чубаровский» циферблат: закрывается пивная на углу Раз'езжей и Лиговки — значит 11 часов; закрывается на углу Чубаровки и Лиговки — значит 12 часов, и т. д.

На скамье подсудимых была одна личность, которая заслуживает исключительного внимания нашей молодой советской общественности. Имя этой личности — «Константин Кочергин». Он — организатор комсомольского коллектива на заводе Сан-Гали. Фактически он является идеологом «чубаровщины». На суде Константин Кочергин заявил, что он не видит преступления в насилие над Беляковой. Он лгал, извращался, выкручивался сам и в горы ж и в а л чубаровских бандитов...

Верховный суд утвердил приговор Ленинградского суда.

П. ЛОПАТИН

ДНЕПРОСТРОЙ — СОВЕТСКАЯ НИАГАРА

Проф. Александр, автор проекта «Днепрострой»

Днепрострой... Это короткое слово все чаще и чаще за последнее время появляется на страницах наших газет и журналов. Слово и снова обращает внимание на почти незамеченный на карте кусочек Днепра, широко раскинувшегося в степных просторах Украины.

Испокон веков эта 100-верстная водная полоса Днепра заставляла говорить о себе: на ней острыми каменными выступами и белой пеной бурлящей воды раскинулись знаменитые Днепровские пороги. И давным давно, еще много столетий тому назад, они уже считались «несправедливостью природы».

Ведь в те времена Днепр был одним из звеньев великой водной транспортной цепи, от Балтийского моря по Неве, Ладожскому озеру, Волхову, оз. Ильмень, р. Ловата и Днепру к Черному морю в Константинополь. И на этом пути стояла нескрупулезная до сих пор прегрда — знаменитые бурные Днепровские пороги.

На 95 километров от гор. Днепропетровск до гор. Запорожья тянутся эти каменные перекаты, делая невозможным какое бы то ни было судоходство в этом месте. И немало судов и человеческих жизней погибло в неравной борьбе с легендарным «Ненасытцем» — величайшим порогом Днепра.

И здесь же, у этих порогов, на острове Хортице, когда-то был главный штаб запорожской казачьей волиницы. Здесь укрывались от польско-дворянского гнета и насилия украинские крестьяне.

Днепрострой — это не только сверхмощная электрическая станция. Это — грандиозное дело, которое преобразует всю промышленную жизнь Украины, вызовет к жизни новые, плодородные земли, заложит начало совершенно новым производствам, оживит и разовьет уже существующие и в корне изменит транспортную сеть Украины, раз навсегда покочина с «вековой несправедливостью природы».

Уничтожение «великой несправедливости природы»

У нас, в Советском Союзе, еще нет сооружений, подобных Днепрострою, и его размер, широта и смелость его замысла поражают даже не европейским, а чисто американским размахом. И действительно, представьте себе каменную стену, высотой в двенадцатизатяжный дом и длиною в 720 метров (почти 3/4 версты), и вы получите приближенное понятие о величине предполагаемой главной днепровской плотины, с берега на берег перерезающей реку несколько выше г. Запорожья, у колодцы Кичкасе.

Но даже не эта гигантская плотина — то основное, чем важен для нас Днепрострой его ценность — то тех безграничных возможностях, которые явятся следствием ее постройки, и то, что совершит она в хозяйстве Украины, трудно поддается короткому, беглому описанию.

Прежде всего, подпертый ею ниже своих порогов Днепр поднимается на 37 метров, образует громадный водоем в Кичкасском районе, войдет на несколько километров внутрь берегов в огрвы и балки и затопит все пороги до Днепропетровска и на 60 километров за Днепропетровск, в сторону Верхнеднепровска. Днепровская плотина покроет пороги большой массой воды и этим сделает всю линию Днепра судоходной, а его нижнюю часть, от устья до Запорожья, — доступной для морских судов Черного моря.

Днепрострой подарит Украине новую, широко водную магистраль Днепра, создав глубоко в центре страны доступный для морских судов новый порт — Запорожье.

250.000 за 10.000

Вместе с порогами вышедший из берегов Днепр затопит и громадную площадь земли в 10.000 десятин, на которой сейчас распахано по крайней мере 3.000 дворов со своими полями, огородами и выгонами. Эти 10.000 десятин будут тем единственным выкулом, который заплатит хозяйство Украины за уничтожение Днепровских порогов.

Та же разлившаяся днепровская вода, которая отнимет 10.000 десятин возделанной, засеянной, но неплодородной земли, взамен подарит Украине вдоль своих новых берегов, азовов и протоков 250.000 десятин прекрасных орошаемых полей, урожайность которых повысится по крайней мере на 20%.

А это значит, что за заблужденные поля Днепрострой будет регулярно выплачивать своего рода ежегодное возмещение в 6 миллионов пудов хлебных продуктов и 1 1/4 миллиона рублей.

Но этого мало. Сплошной водный путь Днепру резко улучшит транспортные условия для сбыта продуктов, что отразится прежде всего на повышении общей доходности сельского хозяйства.

Если сейчас в среднем приходится везти хлеб к пристаням гужом на 40 верст и платить при этом за перевозку по 8 коп. с пуда, то при сооружении Днепрострога стоимость перевозки

Перспективный план главных

сооружений Государственного

Днепровского Строительства

Вечный порог Днепра—левианарый «Неисасица», поубивший немало судов и человеческих жизней. Днепрострой сметает этот порог с лица земли

увеличиться на 6 коп. с пуда. А это даст приливровскому крестьянству ежегодно круглую сумму в 300 000 рублей исключительно только от выигрыша на транспорте.

19-миллионная электрическая армия Днепрострой—самая дешёвая в мире

Главное богатство Днепрострой—все же грандиозная электрическая энергия, которую даст нам сверхжелезная днепровская электростанция. Подпертая плотиной на 37 метров, воды Днепра будут направлены в гигантские стальные трубы и, проходя по ним сквозь здание станции, своим напором приведут в движение 13 турбин по 50 000 лошадиных сил каждая, что даст нам в итоге 650 000 лошадиных сил электрической энергии.

А эта сухая цифра говорит о том, что Днепровская станция—это то же, что и рабочая армия в 19½ миллионов физических сильных мужчин, армия преданная, неприхотливая, не требующая ничего, кроме ухода за ней—3—4 десятка человек.

И у этой миллионной днепровской электрической армии, которую одним поворотом рычага можно мгновенно перебросить по проводам в любой уголок громадной обслуживаемой ею площади с радиусом в 300 верст, есть, кроме ее по-

стоящих станций—2 коп., а станции Николаев—1½ коп., то тот же киловатт-час Днепрострой обойдется от четырех до пяти десятков копеек. И вот эта-то дешёвая энергия Днепрострой вместе с ее громадной мощностью и производят переворот в промышленности Украины и всего Союза.

С помощью покоренного Днепра СССР станет металлургическим

Прежде всего—металлургия. В настоящее время металл является повелителем мирового хозяйства. При наших теперешних условиях в СССР он—лучший союзник пролетариата на хозяйственном фронте, и, только овладев им, мы можем быть союзниками за науку промышленности и нашу хозяйственную мощь.

В недрах Днепровских берегов сосредоточен наш главный железный фонд—20 миллиардов железной руды.

Но почему же до сих пор, несмотря на наши колоссальные запасы, мы жужжали и жужжаемся в железе? Причина этого кроется в том, что по сравнению с другими странами наш металл был слишком дорог. Главной же причиной дороговизны явились высокие транспортные расходы и несообразно большой процент потребления топлива в нашей металлургии.

Именно с этими двумя врагами советской металлургии и будет бороться Днепрострой. Высокие расходы на транспорт от падения цен в железном порогах и новой мощной транспортной магистралью Днепра, изащийся же расход топлива он уничтожит, благодаря исключительной дешёвине своей электрической энергии. СССР должен стать металлургическим, если станит им, благодаря покоренному Днепру.

Днепрострой вызовет к жизни новые, неведомые нам производства

Взять хотя бы алюминий. Его по справедливости считают сейчас «материалом будущего». Легкий и прочный, он получил громадное распространение в авиации и военной промышленности, и страна, бедная им, обречена не только на кабальную зависимость от заграница, но и на неизбежное поражение при длительной, продолжительной войне.

У нас есть достаточные запасы алюминиевой руды, но ее обработка не могла быть поставлена у нас, благодаря дороговизне электрической энергии и топлива.

По подсчетам проф. Кузнецова, мощность алюминиевых руд позволит нам полностью удовлетворить потребность нашей промышленности в алюминии по цене на 30%, дешевле той цены, которую мы сейчас платим за граншей.

Наконец, громадные залежи прекрасного калина и все та же дешёвина электроэнергии позволят наладить в районе станции совершенно новое, но важное для нас производство высоковольтных изоляторов, нужных нам для дальнейшей электрификации Союза.

Ясно, что Днепрострой обойдется не дешево: за девять лет постройки придется затратить 120—130 миллионов рублей. Но истратить эти десятки миллионов рублей и получить от них 250—300 миллионов новой, плодородной земли, новую, широкую водную магистраль Днепра и 19-миллионную рабочую армию, которая до невиданных размеров разовьет южно-русскую металлургию и положит начало целому ряду новых, неизвестных нам до сих пор, производств,— вполне выгодное дело. Тем более, что, по расчетам все того же американского инженера Стюарта, капитал, затраченный на постройку Днепровской станции, будет полностью возмещен за первые же 6—7 лет ее эксплуатации.

И неудивительно, что заграница, прозванная Днепрострой «Советской Ниагарой», внимательно следит за судьбой этого проекта. Она прекрасно понимает, что Днепрострой—это не очередная электрическая станция в общем плане нашей электрификации.

Это—одно из крупнейших сражений на фронте нашей социалистической стройки, экономической борьбы против капитализма, это—особое бождение от заграничной зависимости в целом ряде исключительно важных для нас производств.

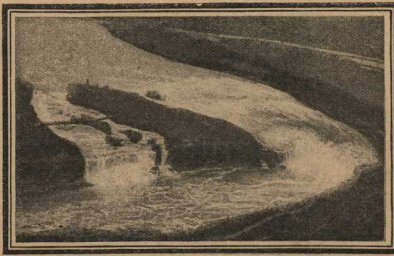
Н И А Г А Р А

Но в чем же все-таки таится грядущая гибель Ниагары? Секрет здесь заключается в характере использования мощи Ниагарского во-

земли, на дне которых устанавливаются водные турбины. Отработав в них, вода отводится в огромный подземный канал, имеющий в длину около 2 километров. Канал этот заканчивается на некотором расстоянии ниже водопада, и из его отверстия выливается свое дело водные массы выносятся бурным потоком в нижнее течение реки Ниагра. Таким образом, когда вся ниагарская речная вода окажется использованной для целей электрической промышленности, знаменитый водопад совершенно исчезнет и от него останется одно только воспоминание.

И теперь в широких общественных кругах Союзных стран растет и обостряется серьезная тревога за судьбу знаменитого водопада. Правда, значительно долю в этой тревоге занимает тревога хозяев отелей за свой собственный карман.

Наша «Советская Ниагора» в этом отношении не пойдет по пути американской. Потому что для нас не большей красоты, как караван торговых судов, сплывающий по мелководью бивших порогах, как ажурные мачты электропередач, по которым самый дешёвый в мире ток плывет к нам, а потому что новые сотни тысяч десятин плодородных полей.

Ниагарский водопад с птичьего полета

Мы помещаем краткие сведения о Ниагарском водопаде в С.-А. С. Ш.—одном из самых красивых зрелищ природы в мире. При использовании всей энергии водопада, можно получить 150.000.000-ую рабочую армия.

Редакция

Американцы правы, назвав наш Днепрострой «Советской Ниагарой», потому что он действительно в нашей истории не меньше роли, чем Ниагора в американском.

Постройка Днепрострой уничтожит бурлящие пенной красноречивые старинные пороги с их лесополосатой историей. Постройка же Ниагарской станции убивает Ниагарский водопад, потому что не лето позволять такому колоссальному количеству воды инвертировать с высоты 50 метров только для того, чтобы доставлять красивые зрелища любознательным туристам и дохода владельцев отелей, со всех сторон обтекающих водопад.

Словно ослеплота Ниагра начался всего только 30 лет тому назад, но уже к настоящему времени мощность гидроэлектрических станций водопада числится в 1½ миллиона лошадиных сил. Вся эта энергия составляет ¼ всей энергии водопада.

допада. Для того, чтобы заставить воду работать, в 800—1000 метрах выше водопада ее перекачивают в особые шахты, или гигантские трубы, спускающиеся на 70—100 метров вглубь

НОВОСТИ ТЕХНИКИ и НАУКИ

МЕХАНИЗАЦИЯ СТЕНОГРАФИИ

Машинка
для
стенографии

Образец стенографической записи

Современная техника идет по линии максимальной механизации отдельных отраслей человеческого труда. Наш рисунок как раз и является образцом одного из последних достижений в этой области — механизации труда стенографистки.

Эта профессия исключительно тяжела. Ей трудно научиться, а научившись, трудно работать: быстро устает рука, и при скорой записи сложным делается разбор написанного. Новая же — механическая стенографистка — значительно облегчает все эти трудности.

По принципу своего устройства эта машинка напоминает обычную пишущую машинку: те же клавиши, по которым надо ударять, и те же знаки, отпечатывающиеся на бумаге. Но здесь введен целый ряд интересных изменений.

Прежде всего, на клавишах — не все буквы алфавита. Некоторые из них, звучащие похоже (например, з и с, в и ф, л и б и т. д.), имеют только одну (например, вместо з и с — только одна с). Затем, некоторые клавиши имеют сразу целый наиболее распространенный слог. И, наконец, машинка позволяет сразу ударять по нескольким клавишам, чего нельзя в пишущей машинке, и у нее нет необходимости перерываться валки для следующей строчки.

Результат этой механизации поразительный. Прежде всего срок обучения уменьшается вдвое. Усталость и утомляемость несравненно меньше. Скорость записи увеличивается со 150 слов в минуту (лучшая ручная стенографистка) до 230 слов в минуту. И, наконец, записанное не только без труда и ошибок может разобрать сама написавшая, но и всякий посторонний человек.

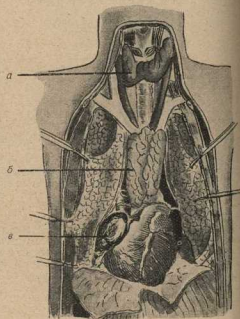
ГОРМОН „ПУЛЬСА“ и ВОЗМОЖНОСТЬ ОЖИВЛЕНИЯ СЕРДЦА

Много говорят и пишут в последние десятилетия о железах с внутренней секрецией, о химических раздражителях или так называемых «гормонах», которые выделяются железами в кровь и воздействуют в том или другом смысле на весь организм. Таковы щитовидная, зобная, половые железы, придаток мозга, надпочечники и др., оказывающие воздействие на рост, расцвет физических и психических сил организма, на выявление половых признаков и т. д.

В последнее время известным австрийским физиологом Людвигом Хаберадрантом открыты, повидимому, особые железы внутри сердца животных, которые вырабатывают специфические гормоны, обуславливающие сокращательную работу сердца и способные при впрыскивании в

работу и продолжало биться два суток под ряд.

Открытие Хаберадрантом «гормона пульса» чревато великими достижениями. И в самом деле, нет ничего невозможного в том, что в самое ближайшее время резкое, порой смертельное углошение сердечной деятельности в целом ряде случаев (паралич сердца), обусловленное истощением гормональной деятельности жезл правого предсердия будет легко устраняться введением соответствующих доз «гормона пульса». Помимо того гормон пульса найдет широкое применение, как средство, поддерживающее и возбуждающее слабую деятельность сердечной мышцы, и без сомнения, заменит ядовитые и чуждые организму возбуждающие средства, как камфора, стрихнин и т. д.

ВНУТРЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА
Видны железы внутренней секреции (а, б) и открытое правое предсердие (с)

МЕХАНИЧЕСКИЙ УЛИЧНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

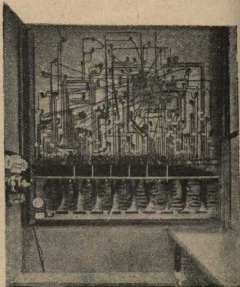
Словно и рядом приехавшие в Москву провинциалы растерянно бродят по нашим московским улицам, стараясь распутаться в лабиринте улиц и переулков, отыскать нужные номера трамваев.

Нам следовало бы взять пример с Парижа, который на всех мало-мальских крупных перекрестках установил сравнительно очень дешевое и простое, но в то же время и очень полезное изобретение.

Большая доска на улице дает в крупном виде план всего города. А внизу — названия всех наиболее крупных улиц города. Пользоваться же этим планом очень легко. Если вам необходимо попасть на какую-нибудь улицу, вы ищете ее название внизу под планом и нажимаете находящуюся против надписи небольшую кнопку. Тотчас же на плане всплывает красная отчетливая линия, которая указывает наиболее прямой, короткий и удобный для вас путь от того места, где вы находитесь, до нужной вам улицы. Тут же высвечиваются и номера автобусов и трамваев, которые могут доставить вас по нужному вам адресу.

УЛИЧНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПАРИЖА: налево — его наружный вид, направо — внутренний механизм

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ВЕРШИНУ МИРА

Н. БУХОВ

Участники экспедиции с немалым трудом пробиваются вперед

В 1924 году английским географическим обществом была организована научная экспедиция, задавшая целью подняться на неисследованную еще до сих пор самую высокую гору в мире—Эверест.

Автомобиль приходится бросать и дальше передвигаться с помощью одних горных палок

Пришла в пунти

какими трудностями экспедиция пробивала себе дорогу, как постепенно она отказывалась от цивилизованного способа передвижения, бросая на пути безнадежно застрявшие автомобили и меняя их на горные палки с криками, так как эти приходилось непроходимыми тропами, все время пересекая горные реки.

НОВИНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„МОЛОДНЯК“

(М. Колосов, Д. Кочетков, Г. Шубин—Молодая Гвардия, Сборн. рассказов, Молодая Гвардия, 1927 г., стр. 110)

Колосов, Кочетков, Шубин—достаточно известные фамилии молодежному читателю. Все трое—наиболее выдвинувшиеся комсомольские писатели-прозаики. Сборник „Молодняк“ представляет обобщенное собрание их рассказов. Даже прочитанные раньше в этом новом издании рассказы представляют большой интерес. В живой, образной, повествовательной форме рассказы составляют перед читателем приданные этапы в жизни комсомола. Создание комсомола на захватах окрестных, борьба за жизнь организации в окружении сопротивляющейся среды, комсомольцы на фронтах гражданской войны, на производстве, вопросы комсомольского правосознания, товарищеские, бытовых и не бытовых отношений,—все это нашло свое отражение в том или ином рассказе того или иного автора. Кроме того, сборник позволяет компактно ознакомиться с творчеством каждого из трех прозаиков, проследить их рост и достижения.

Приходится отметить, что наиболее сложившимся и наиболее близко Колосову, и удачно подошедшим к комсомольским темам оказался Колосов. У него даны наиболее типичные заводские подростки. У Колосова комсомол показан за работой. Кроме того, он наиболее внимателен к форме и словесной организации произведений.

Кочетков, отчасти оттянул свое внимание на воспоминания и больше сконцентрировал его на фактах, чисто производственных, и „мелочах“ быта и этим скорее выразил подход комсомольца, но почти не показал комсомольца. Женщины-тестильщицы—главная, разработанная им психология. Он менее искусен в повествовании, суховат в слове, часто не дорабатывает рассказы, оставляя в нем следы наброска.

Шубин, очень одаренный словом, его ясной и богатой образностью, несколько воотстал тематически, остановившись пока на деревенском комсомоле первых лет революции и гражданской войны. При несомненном даровании, перед Шубиным остро стоит вопрос об углублении работы, об отказе от работы с „прохлада“.

„Молодняк“—отчетный сборник трех наших писателей—должен быть прочтен всеми. Но для самих авторов назначенное в сборнике должно послужить точкой отправления к новой работе, в ответ на возражные замечания читателей.

О других книгах см. на 4 стр. обложки)

Б. Л.

М. КОЛОСОВ, Д. КОЧЕТКОВ,
Г. ШУБИН

МОЛОДНЯК

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ДЕСЯТЬ МИНУТ УТРЕННЕЙ ГИМНАСТИКИ

Б. ГРОМОВ

Не так давно исполнилось 60 лет со дня рождения знаменитого Мюллера, чья система индивидуальной гимнастики пользуется огромной популярностью во всем мире.

В настоящем очерке мы коснемся новой, еще мало известной у нас системы физического воспитания, автором которой является лейтенант немецкой армии Ганс Зурен.

...Любому мужчине и женщине, девушке и подростку гимнастика даст здоровье, силу, подвижность и крепкие нервы.

Многим из нашего молодняка, загруженным всевозможными служебными, общественными и др. нагрузками, нехватает времени посещать спортивную площадку, каток или лыжную станцию.

Но всем без исключения занятия физическими упражнениями необходимы и полезны. Вот здесь-то на помощь и приходит зуреновская гимнастика.

Уделить 10—15 минут в день всякий может и должен.

Зурен считает, что заниматься его индивидуальной гимнастикой лучше всего по утрам, так как мускулы прогреты и не наполнены кровью. Вместе с тем эти упражнения, продлеваемые по утрам, дают известную физическую зарядку на весь день. Гимнастику рекомендуется выполнять одетым в одни трусики и по возможности при открытой форточке. По окончании упражнений следует обтереться холодной водой и растереть до-красна свое тело. Если занимающийся начал работать с лета, то его закаленный организм не будет бояться стуженой водопроводной воды в зимнее время и открытой форточки, хотя бы и в ветреную погоду.

Выдвигая идею разносторонней гимнастики, Зурен вкладывает в это понятие чрезвычайно обширное содержание.

В свою систему Зурен включает:

- 1) Физические упражнения, 2) гигиену и уход за телом, 3) дыхательную гимнастику, 4) правильный подбор питательных веществ, 5) правильный способ питания, 6) правильную и регулярную смену труда и отдыха, 7) нормальную одежду.

Особое внимание уделяет Зурен так называемой дыхательной гимнастике, развивающей легкие.

Как правило, при производстве физических упражнений надо следить за своим дыханием, чтобы оно было ритмичным, без задержек. Задержка дыхания при производстве какого-либо силового номера (требующего много усилий и напряжения) может привести к сердечным заболеваниям.

В здоровом состоянии и нужно дышать носом, а не ртом. У многих распространено ошибочное мнение, что выдыхать надо носом, а выдыхать ртом. Это неправильно потому, что слизистая оболочка носа высыхает, если она не увлажняется выдохом. Зимой же выдох согревает слизи-

стую оболочку. Лишь при занятиях бегом, когда дыхание через нос становится недостаточным, разрешается дышать ртом.

Различается несколько видов дыхания: 1) дыхание для успокоения сердца после напряженных упражнений, 2) подготовительное дыхание и 3) дыхательные упражнения для очищения легких и укрепления их, а также для дыхательной мускулатуры.

Дыхание для успокоения сердца: Глубоко выдохай, стоя, и затем медленно поднимай руки в стороны. Не задерживая дыхания, выдохни, опуская руки.

Если после напряжения сердце не может успокоиться, то следует сесть на землю, протянуть ноги и опереться спиной. В этом положении надо, не напрягаясь, спокойно и глубоко дышать, следя за тем, чтобы выдох был как можно глубже.

Вот несколько видов дыхательных упражнений.

Грудное дыхание: выдохни сначала стоя, ноги врозь. Затем вдыхай медленно носом, вбирая воздух в грудь, подтягивая живот. Вдыхай медленно, протни руки перед животом, зацепи их крючком одну за другую и выдвини локти несколько вперед. В последний момент выдыхания стань на носки. Затем медленно, со свистом, выдохни ртом.

Диафрагмальное дыхание для особого развития мускулатуры груди: делай выдох. Медленно вдыхай, стоя, ноги врозь. При выдыхании медленно подыми руки и упрись ими в бедра. Отведи локти несколько вперед. Затем мускулатурой живота вытолкни воздух со свистом так, чтобы двигались только живот и нижние ребра. Однако, верхняя часть груди (соски) должна быть неподвижной и находиться в таком положении, какое бывает при полном выдыхании.

Как только выдохнешь при полной груди, снова быстро вдыхай, чтобы получилось ощущение большого расширения груди. Затем медленно делай полный выдох, опуская руки.

Это прекрасное упражнение для проветривания верхушек легких и тех частей их, которые находятся около сердца.

Большое внимание уделяет Зурен самомассажу. Лишь недавно обратили внимание на хорошее физическое развитие финских спортсменов, среди которых массаж пользуется огромной популярностью. В Финляндии заботятся о теле не тогда, когда оно заболевает, а тогда, когда оно в здоровом состоянии. Массаж развивает упругость, эластичность и гибкость мышц...

Совсем не надо прибегать к помощи массажиста. Можно дома утром самому после упражнений отмассировать свои мышцы и,

производима массаж движением снизу вверх, выгнать всю лишнюю кровь из мышц.

Массаж ног производится поглаживанием руками, давлением руки, похлопыванием и т. д. Массаж бедер, живота, груди, рук—легким поколачиванием и способами, указанными выше.

Из упражнений для укрепления связок и общей мускулатуры всего тела мы ниже указываем некоторые элементарные и наиболее простые.

Упражнения, которые мы рекомендуем, подобраны с таким расчетом, чтобы дать необходимую нагрузку на все части тела: ноги, руки, корпус, шею и т. д. Заниматься надо таким образом: сначала упражнять, напр., корпус, потом ноги, потом руки, затем можно перейти опять к упражнению корпуса и т. д., т.-е. разнообразить упражнения и производить их поочередно.

Желающих серьезно изучить чрезвычайно ценную систему физкультурных упражнений Зурена мы отослём к его руководству «Гимнастика»—изд. Ленинградского губпрофсовета и «Гимнастика легких и самомассажа» изд. «Гудок».

Боковое положение, ноги врозь.

Упражнение туловища. Поднять руки вверх, медленно нагибать туловище вправо и влево, не меняя фронтального положения тела. Делать выдох при нагибании туловища вниз. То же упражнение можно исполнять с положением рук вперед, в стороны и т. д. Поворачивание тела надо делать всегда медленно и сосредоточенно, по 3 раза. Следить за спокойным дыханием (рис. 1 и 14).

Положение на животе. Упражнение рук. Верхняя часть туловища опирается на локти. Кисти рук лежат рядом на полу и направлены несколько во внутрь. Поднимать и опускать весь корпус, при ровном дыхании, по несколько раз. Затем то же, но с упором лишь на кисти рук (рис. 5).

Упражнение для шеи. Стоя, ноги врозь, руки соединены сзади. Нагибать голову во все стороны, а также поворачивать ее вокруг. Дышать спокойно.

Положение на спине. Упражнение ноги и живота. Руки за голову. Подогнуть ноги и вытягивать каждую ногу в отдельности вверх. Затем вытянуть обе ноги вверх, развести их в стороны и, наконец, попытаться опереться на плечевую линию (рис. 6 и 8).

Упражнение рук. Сгибать в локте каждую руку в отдельности со сжатым кулаком, напряженно. Сначала медленно, затем быстрее (рис. 3).

Упражнение ног. Стоя, руки на бедрах, затем поднимать поочередно правую и левую ногу вперед и в стороны. Верхняя часть туловища может при этом несколько наклоняться (рис. 9).

Упражнение поясницы. Стоя, подняв

вверх руки, надо наклонять вперед туловище с напряжением, сгибая в пояснице. При наклонении производить выдох, а при поднимании туловища—вдох. По окончании упражнения следует выдохнуть, с опусканием рук вниз. (рис. 11).

Укреплять ноги подниманием их в согнутом виде вверх так, чтобы достать согнутым коленом груди. При этом ногу можно поддерживать руками под коленом или за пятку.

Приседания. Поднять руки вперед, колени сомкнуть, стоять на всей стопе. Приподняться на носки и начать медленное приседание сначала на двух ногах, а впоследствии на одной ноге, при чем другую держать вытянутой вперед. Влезть на табуретку и присесть на одной ноге, обняв колено руками и покачиваясь на коленях (рис. 2 и 10).

Упражнение корпуса. Поднять руки сомкнуть колени, медленно вращать туловище вправо и влево, напрягая его и делая выдох.

Вращать корпус при опущенных руках и спокойном дыхании, при этом ноги расположены врозь. (рис. 13).

Упражнение живота спины и ног. Ноги приподнять на ладони от земли; спокойно притягивать по очереди каждую из них к груди, обхватывая руками ниже колена, по 4 раза. Затем через голову перекинуть тело и несколько раз дотронуться до земли концами ног. В этом случае руки лежат на земле, вытянувшись во всю длину—ноги оставить, по возможности, вытянутыми. Это будет кувырканьем в положении на спине (рис. 7).

Упражнение жевания. Закрепить ступни ног, просунув их между кроватью и т. д. Руки вдоль тела либо на бедрах, либо на затылке или протянуты назад над головою. Поднимать верхнюю часть корпуса до перпендикулярного положения к полу, затем снова опускать. Производить это медленно. Грудь должна подниматься прежде всего. Вдохнуть в лежачем положении, медленно, выдыхать при поднимании и опускании (рис. 4).

НОВИНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(См. стр. 15)

РОМАН «ЧЕРНОГО» О «БЕЛОМ»

(Луи Фэрр. «Тум». Из-во «Время». Ленинград. 1927 г., стр. 163)

Европейская литература в массе наводнена так называемыми экзотическими романами о Востоке. Уже давно восточные страны и их черные и желтые народности служат источником вдохновения для самых разнообразных писателей. Много таких произведений имела мы в переводе и на русский язык. В большинстве из них в сложной фантастике, под покровом восхищения и в

в литературе, и рекомендуемый нами роман Луи Фэрра, с кратким заглавием «Тум», принадлежит миру негра. При чтении этой вещи читателя поражает правдивая, реалистическая зарисовка обстановки и быта; непонятный европейцу чернокожий в изображении автора негра получает самое убедительное и неожиданно простое изображение. Вы читаете о жизни Африки такое же понятное, как и в каком-нибудь русском романе о русской деревне.

Такой подход вырывает Восток и его людей из власти фантастических преувеличений, приближая и родня их с читателем. Вы видите ничем не отличающихся от вас, кроме цвета кожи и речи, людей, которые к тому же очень страдают под властью «белых благодетелей».

Особый интерес составляет та убийственная характеристика «белого», как господина, которую вынужден дать чернокожий писатель.

«Тум» — талантливо, ярко и волнующе написанный роман, на который следует обратить внимание нашей молодежи. Б. Л.

МАЛЬЧИК МОТЛ

(Шолом Алейхем. «Мальчик Мотл». ГИЗ. 1926 г., стр. 256)

Эта книга впервые появляется в переводе на русский язык. А написал ее талантливый еврейский юморист-бытописатель — Шолом Алейхем. Перед читателем — жесточкая еврейская белота до революции. Эти люди угнетены, разорены, беспомощны, их положение безвыходно: их жизнь тяжела, а сами они кончины в своей отсталости и какой-то бездельной наивности. Над этой картиной можно печалиться. Но книга, как она написана, полна здоровья, крепкой жизнелюбивости к жизни, потому что все это показано через сознание мальчика, который только знакомится с окружающим миром и который больше жисте солнца и весной, как и его первый друг — соседский теленок.

Любопытство, любознательность и наивная острота впечатлений светом особого юмора открывают каждую страницу этой книги и держат читателя до последней строчки в неослабевающем интересе. Если в этой жизни положение тяжело, то отдельные ее положения комичны, и потому, что эта белая жизнь — как «Тришкин кафтан»: в одном месте поминишь, в другом порвется, — потому в ней такое же множество мел-

ких происшествий, злоключений, ошибок, обид и волнений, сколько страниц в книге. Стай только послушать несколько изречений и светлана развертывается в повести этот мир бедноты и насколько хватает сопротивляемости в детской психологии окружающим его уродам. «Мне хорошо», — говорит Мотл, — я сирота. Он убежден, что «Ра-И» — в саду фельдшера зеленым крыжовником: «Надо насыпать на зубы соли, держать рот открытым в течение каких-нибудь тридцати минут, и вы смело можете есть тот же крыжовник».

ЛУИ ФЭРР

ТУМ

ВРЕМЯ
1927

остром сплелении действия выступает в ореоле величия белый человек. И это не случайно. Восток — это европейская колония. Почти полностью два огромных материка — Азия и Африка — являются колониальными владениями, или находятся в колониальной зависимости от капиталистических стран Европы. Грабы и насилие население этих стран, европеец мнит себя «носителем культуры», цивилизатором и спасителем. Отсюда пышные одежды метательности, восхищения и фантастики в художественных произведениях о Востоке.

Но за последнее время даже самая отсталая «черная раса» начинает подавать свой голос

ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ

МАЛЬЧИК МОТЛ

он умеет помнить: «Если бы я был королем, я бы круглый год ел рубиз с хлебом».

Большой интерес представляет в книге история эмиграции семьи Мотла из России в Америку, бесконечные вытарства на границе (тайная перебежка) и по городам Европы: Львов, Краш, Антверпен, Лондон. В переживаниях этой истинности особенно обнаруживает себя познания «еврейского быта», а условия эти путешествий вскрывают всю глубину бедности евреев, гонимых из царской России голодом и грогами. Мастерски изображены в книге реальные характеры, напр., «Наш друг Пив». Рекомендуем каждому нашему читателю эту умную и интересную книгу. Б. Л.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

„МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“

ГРИГОРОВ, Г. и ШКОТОВ, С.

СТАРЫЙ и НОВЫЙ БЫТ

С предисловием А. В. ЛУНАЧАРСКОГО.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие А. В. Луначарского. Глава I. — Вопрос изучения быта. Глава II. — Быт буржуазного общества. Глава III. — Быт переходного периода. Глава IV. — Революция и быт молодежи. Глава V. — Существует ли пролетарская этника. Глава VI. — О любви и браке. Заключение. 181 стр. Цена 1 руб.

СОДЕРЖАНИЕ: Катание на коньках. Тренировка. Техника и тактика. Достижения (рекорды) скоростного бега на коньках. 100 стр. Ц. 60 к.

ГДОВИЧ, А. ЗЮЙД-ВЕСТ, Е.

СЕНЬКА ШКЕРТ

Повесь

Обложка и рисунки М. Кирнарского. 139 стр. Ц. 70 к.

ИМЕЕШЬ ЛИ ТЫ УЖЕ СПУТНИК КОМСОМОЛЬЦА „ТОВАРИЩ“

календарь Молодого Рабочего на 1927 г. В плотном переплете. Ц. 1 руб.

В провинцию высылается наложенным платежом. Заказы направлять по адресу изд-ва, Москва, Новая площ., № 6/8.